

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

18+

ЙЕН МАКДОНАЛЬД

Лауреат
премии
«Хьюго»

Лауреат
премии
«Локус»

ВОЛЧЬЯ ЛУНА

ОТ АВТОРА «НОВОЙ ЛУНЫ»

Йен Макдональд

Волчья Луна

Серия «Звезды научной фантастики»

Серия «Луна», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34122376
Волчья Луна / Йен Макдональд: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-099684-1

Аннотация

Луна может убить. Луна может принести целое состояние. На Луне всем заправляют пять Драконов, пять корпораций, власть которых абсолютна. Так было раньше. Но теперь все изменилось. Пятый Дракон пал, его богатства делят между собой победители. Рухнул годами выстраиваемый порядок, рвутся былые связи, и в новой реальности даже самые опытные политики и интриганы начинают допускать ошибки. А Луна не прощает ошибок. А еще не прощает самодовольства. Ведь тот, кому нечего терять, тот, кто выжил после падения «Корта Элиу», не остановится ни перед чем, чтобы отомстить и вернуть былую мощь Пятого Дракона. И ради этого предпримет самоубийственное и невозможное путешествие – вернется на Землю, где тем, кто родился на Луне, жить нельзя. Драконы еще не знают, что их политические

интриги, непрочные союзы и далеко идущие планы скоро померкнут перед лицом настоящей войны.

Содержание

После падения: Овен 2103	6
1: Дева 2105	17
2: Дева – Весы 2105	59
3: Овен 2103 – Близнецы 2105	99
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Иен Макдональд

Волчья Луна

Ian McDonald

LUNA: WOLF MOON

First published by Gollancz London.

Печатается с разрешения издательства Orion при содействии литературного агентства Синописис

Copyright © 2017 by Ian McDonald

© Наталия Осояну, перевод, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Названия месяцев для «Фермерского альманаха» заимствованы у коренных жителей территории, которая в настоящее время представляет собой северо-восток Соединенных Штатов.

«Волчья Луна» – это январь, на протяжении которого волки воют от голода и бедствий; месяц самого сильного холода и самой непроглядной тьмы.

После падения: Овен 2103

– Унесите меня на Землю,¹ – сказал Лукас Корта. Команда отстегнула его от капсулы «лунной петли» и затащила в шлюз страдающим от недостатка кислорода, гипотермии и обезвоживания.

– Вы на борту циклера ВТО «Святые Петр и Павел», сеньор Корта, – сказала администратор шлюза, закрывая герметические двери.

– Убежище, – прошептал Лукас Корта, и его вырвало. Он стойко продержался пять часов, пока капсула удалялась от гибнущей «Корта Элиу». Пять часов, на протяжении которых направленные удары уничтожали его промышленные комплексы, расположенные посреди лунных морей, боевые программы замораживали его финансы, рубаки Маккензи потрошили его город. Его братья размахивали ножами, защищая дом Корта, а он бежал, через Море Изобилия, вверх и прочь от Луны.

«Спаси компанию, – сказал Карлиньос. – У тебя есть план?»

«У меня всегда есть план».

Пять часов он кувыркался, улетаая прочь от разрушения «Корта Элиу», словно осколок взрыва. А потом чьи-то ру-

¹ Отсылка к известной песне, джазовому стандарту «Fly me to the Moon» – «Унеси меня на Луну» (1954 г.). – *Здесь и далее прим. перевод.*

ки ему помогли, кто-то обратился к нему с теплотой, вокруг оказался плотный корабль – настоящий корабль, а не пузырь из алюминия и пластика, – натянутые ремни мышц ослабли, и его стошнило. Подступили докеры ВТО с портативными вакуумными очистителями.

– Будет лучше, если вы расположитесь вот так, сеньор Корта, – сказала администратор шлюза. Она укутала плечи Лукаса одеялом из фольги, а остальные перевернули его стоймя и, маневрируя, завели в лифт. – Мы очень скоро вернем вас в лунную гравитацию.

Лукас почувствовал, как лифт начал двигаться и порожденная вращением циклера сила тяжести вцепилась в его ноги. «Земля», – попытался проговорить он. Кровь задушила слова. Лопнувшие альвеолы клекотали в груди. Он вдохнул вакуум там, в Море Спокойствия, когда Аманда Сунь попыталась его убить. Он семь секунд провел на обнаженной поверхности Луны. Без костюма. Без воздуха. Выдохнуть. Таково первое правило лунных бегунов. Опустошить легкие. Он забыл, забыл про все, исключая воздушный шлюз станции «лунной петли» впереди себя. Его легкие повреждены. Он стал лунным бегуном. Мог бы получить булавку: Дона Луна, лицо наполовину черное, наполовину – белый череп. Лукас Корта рассмеялся. На миг он подумал, что захлебнется. Кровавая мокрота пролилась на пол лифта. Надо было четче проговаривать слова. Эти воронцовские женщины должны понять.

– Отведите меня туда, где земная сила тяжести, – сказал он.

– Сеньор Корта... – начала администратор шлюза.

– Я хочу отправиться на Землю, – сказал Лукас Корта. – Мне надо отправиться на Землю.

* * *

Он лежал на диагностической кровати медцентра в одних трусах-боксерах. Он всегда питал отвращение к боксерам. Нелепость и ребячество. Он отказывался их носить, даже когда они были в моде, а они были, поскольку на Луне одна мода сменяет другую. Кожа была бы лучше. Он бы с достоинством носил свою наготу.

Женщина стояла у изножья диагностической кровати. Сенсорные руки и инжекторы окружали ее, словно божество. Белая, средних лет, уставшая. Она всем тут заправляла.

– Я Галина Ивановна Воликова, – сказала эта женщина. – Я буду вашим личным врачом.

– Я Лукас Корта, – прокаркал Лукас.

Правый глаз доктора Воликовой замерцал: она считывала информацию с медицинского интерфейса.

– Сжатое легкое. Многоочаговое мозговое микрокровоотечение – вы были, по всей вероятности, в десяти минутах от смертельной церебральной гематомы. Повреждение роговицы, внутреннее кровоотечение в обоих глазных яблоках, разо-

рванные альвеолы. И пробитая барабанная перепонка. С ней я разобралась.

На губах женщины мелькнула напряженная улыбка, выражавшая мрачное веселье, и Лукас понял: они сработаются.

– Как долго... – прошипел он. В левом легком заскрежетало битое стекло.

– По меньшей мере одна орбита, прежде чем я вас отсюда выпущу, – сказала доктор Воликова. – И не пытайтесь говорить.

Орбита: двадцать восемь дней. Мальчиком Лукас изучал физику циклеров; умные орбиты с минимальной затратой энергии, которые они описывали вокруг Луны, дважды сближаясь, а потом возвращаясь к лику Земли, словно выпущенные из катапульты снаряды. Процесс назывался орбитой с переворотом. Лукас не понимал математику, но это было частью бизнеса «Корта Элиу», так что ему пришлось изучить принципы, если не детали. Петли вокруг Луны и Земли – те сами описывали круги вокруг Солнца, а Солнце и его миры на протяжении четверти миллиарда лет танцевали вокруг центра галактики. Все двигалось. Все было частью великого танца.

Новый голос, новая фигура в изножье кровати – ниже и мускулистее, чем доктор Воликова.

– Он может меня слышать? – Женский голос, ясный и мелодичный.

– Может.

– И говорить, – проскрежетал Лукас.

Вторая женщина шагнула на свет. Капитана Валентину Валерьевну Воронцову знали в двух мирах, но она официально представилась Лукасу Корта.

– Добро пожаловать на борт «Святых Петра и Павла», сеньор Корта.

Капитан Валентина была крепкого телосложения, приземистой; земные мышцы, русские скулы, казахские глаза. В двух мирах знали и то, что ее сестра-близнец Екатерина была капитаном «Богоматери Казанской». Они были легендарными женщинами, эти капитанши Воронцовы. Первая легенда заключалась в том, что они были идентичными зародышами, выношенными разными суррогатными матерями при несопоставимой силе тяжести. Одна родилась в космосе, другая – на земле. Второй живучий миф заключался в том, что они обладали врожденной телепатией, глубинной особенностью, превосходящей любой вид коммуникации и действующей на любом расстоянии. Какая-то квантовая магия. Согласно третьему мифу, они регулярно обменивались командованием двумя циклерами ВТО. Из всех легенд о капитанах-близнецах Лукас Корта верил только этой. Врагов нужно держать в недоумении.

– Я так понимаю, вас еще не проинформировали о ситуации на Луне, – сказала капитан Валентина.

– Я готов.

– Не думаю. Лукас, у меня для вас новости, худшие из

возможных. Все, что вы знали, утеряно. Ваш брат Карлиньос убит во время обороны Жуан-ди-Деуса. Боа-Виста уничтожен. Рафаэл умер во время разгерметизации.

Пять часов, одинокое путешествие по промежуточной орбите «лунной петли», стена капсулы пляшется в ответ: изображение Лукаса побывало в темных местах. Он видел свою семью мертвой, свой город – разрушенным, свою империю – сокрушенной. Он ожидал от Валентины Воронцовой этих новостей, но все же удар оказался тяжелым и опустошительным, как вакуум.

– Разгерметизация?

– Вам лучше не разговаривать, сеньор Корта, – сказала доктор Воликова.

– Рубаки «Маккензи Металз» взорвали поверхностный шлюз, – объяснила капитан Валентина. – Рафаэл доставил всех в убежище. Мы считаем, он проверял, не отстал ли кто-то, когда обиталище разгерметизировалось.

– Это в его духе. Благородно и глупо. Луна? Робсон?

– Асамоа спасли выживших и доставили в Тве. Брайс Маккензи уже обратился в Суд Клавия с иском об официальном усыновлении Робсона.

– Лукасинью?

Теперь его чувства оцепенели, а тело находилось под достаточным контролем, чтобы произнести имя, которое он хотел прокричать в первую очередь. Если Лукасинью мертв, он встанет с этой постели и выйдет из воздушного шлюза.

– Он в безопасности в Тве.

– Мы всегда доверяли Асамоа. – Осознание того, что Лукасиныю ничего не угрожает, было радостью, жаркой, как солнце: гелий при теплоте плавления.

– Телохранилище Ариэль помогла ей сбежать в Байру-Алту. Она скрывается. Как и ваш брат Вагнер. Стая Мериана приютила его.

– Волк и калека, – прошептал Лукас. – А компания?

– Роберт Маккензи уже ассимилирует инфраструктуру «Корта Элиу». Он разослал контракты вашим бывшим работникам.

– Они будут идиотами, если не согласятся.

– Они соглашаются. Он объявил о новом дочернем предприятии: «Маккензи Фьюзибл». Генеральным директором назначил своего внучатого племянника Юрия Маккензи.

– Австралийцы после второй-третьей все на одно лицо. – Лукас издал смешок, низкий и полный крови, повеселев от собственной мрачной шутки. Шутить – это как бросать пыль в лицо превосходящего противника. – Вы знаете, что это были Суни. Они натравили нас друг на друга.

– Сеньор Корта, – снова проговорила доктор Воликова.

– Они заставили нас с наслаждением резать друг другу глотки. Они планируют на десятилетия, эти Суни.

– «Тайян» приступил к исполнению ряда опционов на экваториальную недвижимость, – сообщила капитан Валентина.

– Они собираются превратить весь экваториальный пояс в солнечную электростанцию, – со свистом проговорил Лукас. Кусочки его легких выходили наружу вместе с густой кровавой слизью. Он выкашлял свежую кровь. Машинные руки пришли в движение, промокая красное.

– Хватит, капитан, – сказала доктор Воликова.

Капитан Валентина собрала пальцы щепотью и опустила голову; поклонилась по-лунному, хоть и была женщиной с Земли.

– Мне жаль, Лукас.

– Помогите мне, – сказал Лукас Корта.

– ВТО «Космос» и ВТО «Земля» держатся на расстоянии от ВТО «Луна», – сказала капитан Валентина. – У нас особое слабое место. Защита нашей электромагнитной катапульты в точке Лагранжа и наших пусковых установок на Земле выше всего. На нас устремлены ревностные взгляды русских, китайцев и индусов.

Машинные руки опять задвигались. Лукас внезапно ощутил, как ему что-то впрыснули под правое ухо.

– Капитан, мне нужно, чтобы на Луне поверили в мою смерть.

Капитан и доктор, медленные и благоговейные руки медицинской системы – все расплылось и растаяло в белизне.

Он не смог определить момент, когда осознал музыку, но он выплыл в нее словно пловец, пересекавший мениск². Она окружила его, как воздух, как околоплодные воды, и ему было приятно лежать внутри нее, закрыв глаза, дышать, не чувствуя боли. Музыка была благородной, здоровой, упорядоченной. Какая-то разновидность джаза, решил Лукас. Не его музыка, не та музыка, которую он понимал или ценил, но он признавал ее логику, узоры, которые она рисовала во времени. Он долго лежал, пытаясь осознать одну лишь музыку.

– Билл Эванс, – сказал женский голос.

Лукас Корта открыл глаза. Та же постель, те же медицинские боты, тот же расфокусированный мягкий свет. Все те же бренчание системы кондиционирования и мощный гул, которые сообщают, что он находится на корабле, а не на планете или спутнике. Та же доктор промелькнула на краю его поля зрения.

– Я считывала вашу нейронную активность, – сказала доктор Воликова. – Вы хорошо реагируете на модальный джаз.

– Он мне понравился, – сказал Лукас. – Можете включать в любое время.

– Да что вы говорите? – отозвалась доктор Воликова, и

² *Мениск* – термин из области гидростатики, обозначающий искривление свободной поверхности жидкости.

Лукас опять расслышал в ее голосе веселое изумление.

– Как мои дела, доктор?

– Вы были без сознания сорок восемь часов. Я починила самые вопиющие повреждения.

– Спасибо, доктор, – сказал Лукас Корта. Он шевельнулся, чтобы приподняться на локтях. Внутри него что-то разорвалось, и доктор Воликова, тихо вскрикнув, ринулась к кровати. Она опустила Лукаса на податливую поверхность.

– Вам надо восстановиться, сеньор Корта.

– Мне надо работать, доктор. Я не могу оставаться здесь вечно. Мне надо отстроить свой бизнес, а ресурсы мои ограничены. И я должен отправиться на Землю.

– Вы родились на Луне. Для вас невозможно отправиться на Землю.

– Это не невозможно, доктор. Все куда проще. Это закончится смертью. Но все заканчивается смертью.

– Вам нельзя на Землю.

– Мне нельзя на Луну. Маккензи убьют меня. Я не могу остаться здесь. Гостеприимство Воронцовых не бесконечно. Окажите мне любезность, доктор. Вы специализируетесь на медицине в условиях небольшой силы тяжести. Гипотетически?..

Началась новая мелодия, стремительная и модальная. Пианино, бас-гитара, шепчущие барабаны. Такие малые силы. Такой мощный эффект.

– Гипотетически, при интенсивных тренировках и меди-

цинской поддержке, рожденный на Луне человек может продержаться в земных условиях два месяца.

– Гипотетически, возможно ли четыре месяца?

– Для этого понадобятся многие месяцы физической подготовки.

– Сколько месяцев, доктор? Гипотетически?

Он увидел, как доктор Воликова пожала плечами, потом услышал тихий раздраженный вздох.

– По меньшей мере год. Четырнадцать, пятнадцать месяцев. Даже в этом случае шанс пережить старт будет не больше пятидесяти процентов.

Лукас Корта никогда не был азартным игроком. Он имел дело с несомненными фактами. В качестве вице-председателя «Корта Элиу» он договаривался о том, чтобы неясное превращалось в определенное. Теперь его осаждали прочные, как железо, факты, и оставалось надеяться лишь на то, что ставка окажется выигрышной.

– Тогда у меня есть план, доктор Воликова.

1: Дева 2105

Мальчик падает с крыши города.

Он худой и гибкий, как силовой кабель. Кожа у него медная, усеянная темными веснушками. Глаза зеленые, губы чувственные, полные. Волосы – копна дредов цвета ржавчины, которая вырывается из-под лаймово-зеленой головной повязки. Две полосы белого блеска подчеркивают скулы, вертикаль проходит через центр губ. На нем мандариновые спортивные лосины с низкой талией и белая, чрезмерно большая майка. «ФРЭНКИ ГОВОРИТ...» – заявляет майка³.

Три километра – таково расстояние от потолка до пола огромной лавовой полости, в которой расположена Царица Южная.

Подростки бежали по крыше города; вольным стилем одолевали старые, автоматизированные промышленные уровни, носились туда-сюда сквозь оснастку мира с изяществом и мастерством, от которых захватывало дух; спрыгивали с ограждений и опор, сигналили от стены к стене, метались, бросались, кувыркались, летали над безднами, поднимались вы-

³ Майки с надписями «Фрэнки говорит [расслабься]» (Frankie says relax) спереди и «Не делай этого» (Don't Do It) сзади были популярны в 80-х гг. История их появления связана с песней «Relax» группы «Frankie Goes to Hollywood», которая была запрещена к ротации по радио и ТВ-каналам BBC ввиду непристойного содержания.

ше и выше, как будто вес был горючим, которое они сжигали, чтобы обратить силу тяжести против самой себя.

Этот мальчик самый младший в компании. Ему тринадцать; он храбрый, проворный, дерзкий, его тянет к высоким местам. С друзьями-трейсерами⁴ он разминается на нижнем лесистом уровне Царицы Южной, но взгляд его то и дело обращается к огромным башням – туда, где они соединяются с солнечной линией. Растянуть мышцы, надеть перчатки-хваталки на руки и ступни. Немного попрыгать, чтобы расслабиться, ступить на карниз – и в мгновение ока он в десяти метрах от земли. В сотне метров. В тысяче метров; приплясывая, движется вдоль парапетов и пятиметровыми прыжками поднимается по лифтовым каркасам. К вершине города. К самой верхотуре.

Нужна всего лишь бесконечно малая ошибка; реакция запаздывает на долю секунды, не хватает миллиметра, чтобы дотянуться, один палец оказывается слабее. Его рука соскальзывает с троса, и он падает в пустоту. Крика нет, лишь тихий изумленный вздох.

Падающий мальчик. Спинай вперед, руки и ступни пытаются схватиться за чужие ладони в перчатках, которые тянутся вниз с путаницы водопроводных и изоляционных труб, идущей вдоль крыши Царицы. Когда трейсеры понимают, что случилось, наступает шок, а через секунду они срываются со своих насестов и мчатся по крыше к ближайшей

⁴ Трейсеры – то же, что паркурщики.

башне. Им ни за что не обогнать силу тяжести.

Есть правила падения. Прежде чем впервые куда-то вскочить, забраться или спрыгнуть, мальчик научился падать.

Правило первое: перевернись. Если не видишь, что под тобой, в лучшем случае покалечишься, в худшем – ты труп. Он поворачивает голову, смотрит в огромные пространства между сотней башен Царицы. Выкручивает верхнюю часть тела; вскрикивает, растянув одну из абдоминальных мышц во время поворота всего тела животом вниз. Под ним – смертоносная сетка пересекающихся мостов, канатных дорог, узких мостиков и волоконных трасс, протянутых между небоскребами Царицы. Ему надо проложить путь между ними.

Правило второе: увеличь до максимума сопротивление воздуха. Он раскидывает руки и ноги. Атмосферное давление в лунном обиталище составляет 1060 килопаскалей. Ускорение под воздействием силы тяжести на поверхности Луны – 1,625 метров в секунду в квадрате. Предельная скорость падения тела в атмосфере – шестьдесят километров в час. При ударе о пол Царицы Южной на скорости шестьдесят километров в час вероятность смерти равна восьмидесяти процентам. При ударе на скорости пятьдесят километров в час вероятность того, что он выживет, равна восьмидесяти процентам. Его модная майка хлопает на ветру. И ФРЭНКИ ГОВОРИТ: так и живем.

Правило третье: позови на помощь.

– Джокер, – говорит он.

Фамильяр мальчика проступает на линзе в его правом глазу, просыпается в импланте в левом ухе. Истинные трейсеры бегают без помощи ИИ. Слишком легко, если фамильяр прокладывает лучший маршрут, определяет скрытые опоры для рук, дает советы относительно микроклимата. Суть паркура в этом полностью искусственном мире – в аутентичности. Джокер анализирует ситуацию.

«Ты в чрезвычайной опасности. Я уведомил спасательную и медицинскую службы».

Правило четвертое: время – твой друг.

– Джокер, сколько?

«Четыре минуты».

Теперь у мальчика есть все необходимое, чтобы выжить.

Растянутая абдоминальная мышца адски болит, и что-то рвется в левом плече, когда он стягивает майку. На несколько секунд он перестает быть похожим на орла с распростертыми крыльями и опасно ускоряется. Ветер рвет из рук майку. Если он ослабит хватку, если он потеряет майку, он труп. Ему надо завязать три узла, падая на предельной скорости. Узлы – это жизнь. И поперечный мостик на 77-м уровне уже близко: «Вот он!» Мальчик растопыривает руки, применяет то, чему научился: наклоняет верхнюю часть тела вперед и руки тоже, перемещает центр тяжести выше центра масс. Отслеживает позицию. Скользит вперед и пролетает в считанных метрах от моста. Лица обращаются к нему. Снова смотрят: они видели летунов. Этот мальчик не летит. Он падает.

Он завязывает горловину и рукава, превращая майку в бесформенный мешок.

– Время.

«Две минуты. По моим расчетам, ты ударишься на...»

– Заткнись, Джокер.

Он сжимает майку в кулаках. Все дело во времени. Слишком высоко – и у него будет ограниченная маневренность, чтобы увернуться от переходов и трубопроводов, паутиной сплетающихся между башнями. Слишком низко – и его наспех сделанный парашют не опустит его вниз на скорости выживания. А он хочет приземлиться сильно медленней, чем пятьдесят километров в час.

– Сообщи, когда останется минута, Джокер.

«Хорошо».

Торможение будет беспощадным. Оно может вырвать майку из его рук.

И он умрет.

Он не может себе такое вообразить.

Он может представить себе, что ранен. Может представить, как все смотрят на его труп и плачут из-за трагедии. Ему эта мысль нравится, но она не равна смерти. Смерть – ничто. Даже меньше, чем ничто.

Он снова прижимает руки к груди, чтобы пролететь под канатной дорогой на 23-м уровне.

«Сейчас».

Он выбрасывает руки вперед. Майка грохочет и хлопает

на шквальном ветру. Он прячет голову в пространство между локтями, выбрасывает руки вперед. Завязанная в узлы майка надувается, словно шар. Внезапное замедление скорости – жестокая вещь. Он вскрикивает, когда напряженное плечо выворачивается из сустава. Держись держись дер... Боже боже боже земля так близко. Парашют мотает и дергает, как будто он сражается с мальчиком и хочет убить. Напряжение в предплечьях и запястьях вызывает мучительную боль. Если он сейчас отпустит майку, удар будет тяжелым и неправильным: ногами вперед, его тазовые и берцовые кости сломаются, и осколки вонзятся в органы. Держись, держись. Он кричит, он судорожно втягивает воздух от усилий и страха.

– Джокер, – выдыхает он. – Как быстро...

«Я могу оценивать, лишь исходя из...»

– Джокер!

«Сорок восемь километров в час».

Это по-прежнему слишком быстро. Он видит, куда упадет, остались всего секунды. Чистое пространство между деревьями, в парке. Люди бегут по осевым дорожкам, кто-то прочь, кто-то туда, где он, по их оценкам, ударится о землю.

«Медицинские боты отправлены», – объявляет Джокер. Эта яркая штука, такая большая и громоздкая, это что? Плоскость. Что-то торчит наружу. Павильон. Может, для музыки, для шербета или чего-то такого. Он из ткани. Это может отнять последние несколько километров в час, от кото-

рых он должен избавиться. А еще там всякие штуки, которые торчат – стойки, опоры. Если он ударится об одну из них на такой скорости, она проткнет его, словно копьё. Если он ударится о землю на такой скорости, то все равно может умереть. Надо правильно распорядиться временем. Он тянет одну сторону майки-парашюта, пытаюсь маневрировать, скользнуть к павильону. Это так трудно так трудно так трудно. Он вскрикивает, вывернув плечо, которое терзает мучительная боль, пробуя совершить последнее движение в сторону. Земля спешит навстречу.

В последнюю секунду он отпускает майку и силится наклониться вперед, раскинув руки и ноги, чтобы увеличить свою поверхностную площадь. Слишком поздно, слишком низко. Он ударяется о крышу павильона. Она такая жесткая, такая твердая. Мгновенная оглушительная боль, потом он прорывает крышу насквозь. Его проносит мимо всего, что оказывается внутри павильона. Он закрывает лицо руками и ударяется о землю.

Он еще не испытывал такого сильного удара. Замах кулака размером с луну вышибает из него дыхание, лишает чувств и мыслей. Чернота. Потом он возвращается, пытается вдохнуть, не может пошевелиться. Круги. Машины, лица, в некотором отдалении друзья-трейсеры, бегущие к нему.

Он вдыхает. Больно. Каждое ребро скрежещет, каждая мышца стонет. Он перекачивается на бок. Медицинские боты взлетают и висят на своих пропеллерах. Он пытается

оттолкнуться от земли.

– Нет, малый, не надо, – раздается голос из круга лиц, но ничья рука не тянется, чтобы остановить его или помочь. Он – сломанное чудо. С криком он поднимается на колени, вынуждает себя встать. Он может стоять. У него ничего не сломано. Он делает шаг вперед – тощий беспризорник в мандариновых лосинах.

– Джокер, – шепчет он, – какой была моя финальная скорость?

«Тридцать восемь километров в час».

Он сжимает кулак в знак победы, потом ноги подгибаются и он валится вперед. Руки и боты спешат подхватить его – Робсона Маккензи, мальчика, который свалился с крыши мира.

* * *

– И каково это, быть знаменитостью?

Хоан Рам Хун прислоняется к двери. Робсон не заметил, как он пришел. Мальчик был занят – наслаждался своей внезапной известностью. Слухи дважды обошли вокруг Луны, пока Робсона переводили в медцентр. Мальчик, который упал на Землю. Он не падал на Землю. Это не Земля. Он упал на почву. Но этого сплетникам было мало. И случилось не падение. Он соскользнул. Остальное было управляемым спуском. Он ушел оттуда сам. Сделал всего шаг, но ведь сде-

лал же. Невзирая на недопонимание, вся Луна говорила про него, и он велел Джокеру просканировать сеть в поисках историй о себе и фотографий. Вскоре он понял, что основную часть траффика составляли одни и те же истории и фото, которыми все делились снова и снова. Некоторые картинки были очень старыми, из тех времен, когда он был пацаном, когда он был Корта.

– Через час становится скучно, – говорит Робсон.

– Больно?

– Ничуть. Меня по уши накачали всякой всячиной. Но было больно. Охренительно больно.

Хоан вскидывает бровь. Он не одобряет сквернословия, которому Робсон учится у своих приятелей-трейсеров.

Когда Робсон был одиннадцатилетним пацаном, а Хоану было двадцать девять, они несколько дней были в браке. Тиа Ариэль расторгла его своими юридическими суперспособностями, но единственная ночь, которую они провели вместе, была забавной: Хоан приготовил еду, что всегда необычно, и обучил Робсона карточным фокусам. Ни тот ни другой на самом деле не хотели сочетаться браком. Это была династическая женитьба, чтобы привязать Корта к сердцу клана Маккензи. Чтобы он стал почетным заложником. Корта исчезли; рассеяны, покорены, мертвы. Теперь у Робсона другой семейный статус, он один из приемных детей Брайса Маккензи. Это делает Хоана братом, не око. Братом, дядей, охранником.

Робсон по-прежнему заложник.

– Что ж, тогда пошли.

Лицо Робсона – немой вопрос: «Что?!»

– Мы направляемся в «Горнило». Или ты забыл?

Робсон забыл. В паху у него все сжимается от ужаса. «Горнило». Хоан привез Робсона в Царицу Южную, чтобы спрятать от Брайса, с его аппетитами, и от политики семьи Маккензи, но рывок веревки, который тянет его и Хоана назад в цитадель Маккензи, вызывает у Робсона великий страх.

– Вечеринка, – напоминает Хоан.

Робсон падает обратно на постель. Сто пятый день рождения Роберта Маккензи. Собрание Дома Маккензи. Хоан и Джокер разместили десять, двадцать, пятьдесят напоминаний, но Робсон не сводил глаз с упоров для рук, клейких подошв, моды для трейсеров и того, как нарядиться для первого свободного бега, довести физическую форму до совершенства и достичь бегового веса.

– Вот дерьмо.

– Я тебе напечатал кое-что из одежды.

Хоан бросает упакованный костюм на кровать. Робсон его распечатывает. Аромат ткани только что из принтера. Костюм от Марко Карлотты, бледно-голубой, с черной майкой с v-образным вырезом. Лоферы. Никаких носков.

– Восьмидесятые! – говорит Робсон с наслаждением. Это новый тренд – после 2010-х, после 1910-х, после 1950-х. Хоан застенчиво улыбается.

– Тебе помочь переодеться?

– Нет, я в порядке. – Робсон отбрасывает простыню и выворачивается из кровати. Диагностические боты отступают. Робсон падает на пол. Бледнеет. Вскрикивает. Его колени подгибаются. Робсон удерживается на ногах, схватившись за край кровати. Хоан подскакивает, поддерживает его. – Может, не настолько.

– Ты фиолетовый с головы до ног.

– Правда?

Джокер получает доступ к камере в палате и демонстрирует Робсону, что его коричневая кожа покрыта черными и желтыми пятнами, целым созвездием синяков, перетекающих друг в друга. Робсон морщится, когда Хоан просовывает его руки в рукава пиджака. Чувствует уколы боли, натягивая лоферы. Финальный штрих: на дне пакета с костюмом последний сюрприз, солнцезащитные очки «Рейбен Тортуга Авиатор».

– О, великолепно. – Робсон надевает их на нос, настраивает оправу, стукнув указательным пальцем между стеклами. – Ох. Даже от них больно.

И еще один штрих. Робсон закатывает рукава своего пиджака от Марко Карлотты до локтей.

* * *

На горизонте сияет ослепительный свет: зеркала «Горни-

ла» фокусируют солнце и направляют его в плавильни десятикилометрового поезда. Ребенком Робсон любил этот свет, поскольку он означал, что до встречи с «Горнилом» остались считанные минуты. Он спешил в обзорный вагон состава, прижимал ладони к стеклу, предвкушая момент, когда попадет в тень «Горнила» и взглянет наверх, на тысячи тонн обиталищ, плавлен, загрузочных и обрабатывающих устройств над головой.

Теперь Робсон все это презирает.

Воздух был вонюч – перенасыщен CO_2 и водяными парами, – когда лучи спасательной команды ВТО, словно копья, пронзили замерзшую, пустую тьму Боа-Виста. Убежище было рассчитано на двадцать человек. В него набилось тридцать две души; они дышали неглубоко, сберегая каждую секунду. С каждого угла капал холодный конденсат, бусинами покрывавший все поверхности. «Где пайзинью?» – крикнул он, когда команда ВТО запихнула его в транспортную капсулу. «Где пайзинью?» – спросил он Лукасинью в трюме лунного корабля. Лукасинью бросил взгляд через переполненный народом трюм на Абену Асамоа, потом прижался к Робсону головой. Эти слова надо было сказать наедине. «Вагнер в бегах. Ариэль пропала. Лукас исчез, предположительно он мертв. Карлиньоса повесили за пятки на мосту в квадре Сан-Себастьян. Рафа мертв».

Его отец умер.

Правовые баталии были яростными и, по лунным мер-

кам, краткими. Через месяц Робсон оказался в автотри-се «Маккензи Металз», которая мчалась через Океан Бурь, Хоан Рам Хун сидел напротив, а отряд рубак обосновался на благоразумном расстоянии исключительно затем, чтобы продемонстрировать мощь «Маккензи Металз». Суд Клавия вынес решение: Робсон Корта теперь стал Маккензи. В свои одиннадцать с чем-то лет Робсон не смог прочесть выражение лица Хоана. В тринадцать он знает, что это лицо человека, которого вынудили предать то, что он любит. Потом Робсон увидел яркую звезду на горизонте, свет «Горни-ла», полыхающий в бесконечном полудне, и из приветственной звезды он превратился в адскую. Робсон помнит ориша Боа-Виста, их огромные каменные лица, высеченные прямо в скале, их постоянное присутствие, уверяющее, что жизнь выстояла пред холодной жестокостью Луны. Ошала, Йеман-жа, Шанго, Ошум, Огун, Ошосси, Близнецы Ибеджи, Омо-лу, Йанса, Нана. Он все еще может назвать их двойников среди католических святых и перечислить атрибуты. В личной религии семейства Корта было мало божественного, еще меньше теологии и никаких обещаний рая или ада. Беско-нечное возвращение. Это было естественно, души перераба-тывались так же, как углерод перерабатывался заббалинами, как вода и минералы отвергнутых тел. Ад был бессмыслен-ным, жестоким и странным местом. Робсон все еще не по-нимает, зачем богу наказывать кого-то вечно, если от этого совершенно точно не будет никакого толка.

«С возвращением, – сказал Роберт Маккензи из глубин системы жизнеобеспечения, которая не дает ему умереть. Дыхательная труба в его горле пульсировала. – Теперь ты один из нас». У его левого плеча фамильяр, Рыжий Пес. У правого – его жена Джейд Сунь, ее фамильяр – обычная для «Тайяна» гексаграмма из «Книги перемен»: Ши Кэ. Роберт Маккензи раскинул руки, выставил пальцы-крючья. «Мы присмотрим за тобой». Робсон отвернулся, когда эти руки его обняли. Сухие губы коснулись его щеки.

Потом Джейд Сунь. Безупречные волосы-кожа-губы.

Потом Брайс Маккензи.

«С возвращением, сынок».

Хоан никогда не говорил о том, какие сделки ему пришлось заключить, чтобы перевезти Робсона из «Горнила» в старый семейный особняк Кингскорт в Царице Южной, но Робсон уверен, что заплатить пришлось немало. В Царице он мог бегать, в Царице он мог быть тем, кем хотел, дружить с теми, с кем хотел. В Царице он мог забыть, что навсегда останется заложником.

И вот он снова направляется к «Горнилу». Яркое сияние плавильных зеркал огромного поезда нарастает, пока не делается ослепительным, несмотря на фотохромное стекло обзорного пузыря. Робсон поднимает руку, чтобы прикрыть глаза, и наступает тьма. Он смаргивает послеобразы. По обе стороны от него возвышаются вагонные тележки, которые несут «Горнило» по главной линии Первой Экваториальной;

тысяча таких тележек тянется перед ним, изгибаясь и прячась за близким горизонтом. Тяговые двигатели, силовые кабели, служебные платформы и сигнальные мостики, смотровые лестницы: бот-ремонтник спешит по опорной ферме, и Робсон следит за ним взглядом. Звезды этого неба – огни фабрик и жилых модулей, расположенных наверху.

Будучи лунным ребенком из третьего поколения, Робсон не понимает, что такое клаустрофобия – замкнутые пространства означают для него уют и безопасность, – но сегодня окна, прожекторы и предостерегающие маяки «Горни-ла» давят, как рука, и он не может избавиться от осознания того, что над теми малыми огнями расположен раскаленный добела фокус плавильных зеркал и тигли с жидким металлом. Автомотриса замедляет ход. С брюха «Горни-ла» спускаются захваты. Лишь слабая дрожь оповещает о том, что крепежные механизмы встали на место, подняли и переместили автомотрису в док.

Прикосновение к плечу: Хоан.

– Пошли, Робсон.

* * *

«Вот он, вот он!»

Открываются двери трамвайного шлюза, и к нему обращается море лиц. Через пять шагов Робсона окружают молодые женщины в вечерних платьях: одежды короткие иoble-

гающие, ра-ра⁵ и пышные юбчонки; блестящие чулки, убийственные каблуки, начесы-гало. Губы цвета фуксии, подводка на веках, словно крылья, скулы подчеркнуты прямыми мазками румян.

– Ой! – Кто-то его пихнул. – Да, это больно.

Смеясь, девушки торжественно уводят Робсона в конец вагона, где собралась молодежь. Оранжерея – Лощина Папоротников, как ее принято называть у Макензи, – достаточно велика, а ее извилистые тропы и зеленые насаждения достаточно запутанны, чтобы позволить вечеринке разбиться на дюжину поменьше. Официанты с подносами, полными «1788-го» – фирменного коктейля Маккензи⁶, – покачиваются среди изогнутых папоротниковых ветвей: внезапно в руке Робсона оказывается бокал. Он пробует коктейль, сглатывает горечь, наслаждается теплом, которое распространяется по телу. Шелестят папоротники; кондиционеры перемещивают влажный воздух. Живые птицы поклевывают побеги, порхают, едва заметные, от прицветника к прицветнику.

Робсон в центре круга из двадцати молодых Маккензи.

– Можно взглянуть на синяки? – спрашивает девушка в туго облегающей малиновой юбке, которую она все время тянет вниз, и на опасных каблуках, в которых она все время проверяет свое чувство равновесия.

⁵ *Pa-ra* – короткая юбка с воланами.

⁶ Коктейль назван в честь года основания первой европейской колонии в Новом Южном Уэльсе.

– Ладно, валяй. – Робсон снимает пиджак, поднимает майку. – Тут и тут. Глубокие повреждения тканей.

– А как высоко они идут?

Робсон задирает майку на голову и чувствует по всему телу руки парней и девушек, которые с широко распахнутыми глазами смотрят на желтую массу синяков на его спине и животе, похожую на карту темных лунных морей. Каждое прикосновение – гримаса боли. Прохладные каракули на животе: одна из девушек нарисовала смайлик розовым блеском для губ на его прессе. В один миг девчонки и мальчишки достают косметику и осаждают Робсона розовым и фуксией, белым и зеленоватым-флуоресцентным-желтым. Смеются. Постоянно смеются.

– Господи, до чего ты тощий, – говорит веснушчатый, рыжий мальчишка-Маккензи.

– Почему ты не разбился на части?

– А тут больно? А тут и вот тут; а как насчет вот этого?

Робсон съеживается, в спину ему тыкают помадами, руки его скручены над головой.

– Ну-ну.

Кто-то легонько стучит по его плечу титановым прутom вейпера.

– Оставьте его.

Они убирают руки.

– Надень что-нибудь, дорогой. У нас встреча.

Дариус Маккензи всего на год старше Робсона, но моло-

дежь расступается перед ним. Дариус Маккензи – последний выживший сын Джейд Сунь-Маккензи. Для третьего поколения он низенький, смуглый, чертами лица пошел скорее в Сунь, чем в Маккензи. Никто на «Горниле» не верит, что он продукт замороженной спермы Роберта Маккензи. Но командный голос у него от старого хозяина.

Робсон натягивает майку, освобождает пиджак из плена.

Робсон так и не понял, отчего Дариус к нему привязался – он ведь той же крови, что и человек, убивший брата Дариуса, Хэдли, на арене Суда Клавия. Но если у него и есть друг в «Горниле», то это Дариус. В тех случаях, когда Робсон возвращается из Царицы Южной – на чей-то день рождения или чтобы Хоан смог почтить Брайса тем образом, о котором они не говорят, – Дариус всегда узнает о прибытии мальчишки и разыскивает через несколько минут. Их отношения существуют только в «Горниле», но Робсон ценит благосклонность Дариуса. Он подозревает, что даже Брайс боится Дариуса Маккензи.

Вот что Робсон ненавидит в «Горниле»: страх. Обнаженный, дрожащий страх, которым заражены каждый жест и слово, каждая мысль и вздох. «Горнило» – орудие страха. Страх бежит по кабелям, протянутым вдоль десятикилометрового хребта «Горнила», они подергиваются и шепчут, тянут и дергают за крючки секретов и долгов, что сидят глубоко под шкурой каждого члена экипажа огромного поезда.

– На самом деле они завидуют, – говорит Дариус, глубоко-

ко затягиваясь вейпером и обнимая одной рукой Робсона за талию. – А теперь идем со мной. Мы должны пообщаться с людьми. Все хотят с тобой познакомиться. Ты знаменитость. Это правда, что никто из бегунов не пришел к тебе в медцентр, чтобы повидаться?

Дариус знает ответ на собственный вопрос, но Робсон все равно говорит «да». Он знает, почему Дариус Маккензи об этом спросил. Кабели страха протянуты от «Горнила» до старых квадр Царицы Южной. Даже детишки-трейсеры знают легенду, что Маккензи платят трижды.

* * *

– Роббо!

Робсон ненавидит, когда его имя дружелюбно коверкают на австралийский лад. Он никого не узнает в этом кружке модниц с высокими начесами, молодых белых женщин, но они как будто претендуют на приятельские отношения. Их прически пугают.

– Какой костюм, Роббо. «Марко Карлотта», шикарно. С рукавами ты правильно поступил. Слыхали, с тобой приключился несчастный случай.

Компания издает ухающий смех. Робсон в подробностях излагает свою историю, все сочувственно охают и закатывают глаза, но Дариус уже засек следующее общество и, сославшись на протокол, утаскивает Робсона прочь.

Под сводом папоротниковых ветвей, небрежно держа в руках бокалы с «1788-м», Мейсон Маккензи и группа юных самцов говорят о гандболе. У Маккензи принято, чтобы женщины собирались поговорить отдельно, мужчины – отдельно. Мейсон – новый владелец «Ягуаров Жуан-ди-Деуса». Он выписал Джоджо Окуае из команды «всех звезд» Тве и хвастается перед друзьями тем, как Джоджо в Тве выдавил глаза Диего Кворти. Робсон ненавидит слушать, как Мейсон говорит о своей команде. Это не команда Мейсона и никогда ею не будет. Они не «Ягуары»; они никогда не будут «Ягуарам» – и что вообще такое ягуар? – они «Мосус». Парни, девушки. Можно украсть команду, но нельзя украсть имя. Имя вырезано в сердце. Он помнит, как пай сажал его на перила директорской ложи, вручал мяч. Тот лег в руку естественно и оказался тяжелее, чем Робсон представлял себе. «Брось его туда». Все игроки, все фанаты и гости Эстадио-да-Лус смотрели на него. На миг он едва не заплакал и не попросил пайзинью, чтобы тот спустил его с перил, подальше от этих глаз. Потом он поднял мяч высоко и бросил изо всех сил, и тот поплыл над стадионом куда дальше, чем Робсон думал его забросить, над запрокинутыми лицами людей на террасах внизу, к зеленому прямоугольнику.

– «Мосус» никогда не одержат для тебя победу, – говорит Робсон. Мужчины от такого вмешательства прекращают разговор. На миг они гневаются, а потом узнают мальчишку, который упал с вершины мира.

Дариус опять цепляет Робсона за руку.

– Ладно. Достаточно. – Дариус заметил среди папоротниковых теней дичь покрупнее. – Все равно он тупой, этот ваш спорт.

Кузены и более отдаленные родственники проходят мимо и делают комплименты Робсону по поводу его одежды, известности и спасенной жизни. Никто не просит показать измазанные блеском для губ синяки. Музыканты играют босанову. Она стала популярней некуда после падения «Корта Элиу»; глобальная музыка. Гитара, акустический бас, шепчущие барабаны.

Робсон замирает. Между музыкантами и баром устроились Дункан Маккензи и обе его око, Анастасия и Апполинария, а также Юрий Маккензи, генеральный директор «Маккензи Фьюжн», сводные братья Юрия – Денни и Адриан вместе со своим око, Джонатоном Кайодом, Орлом Луны собственной персоной. Дариус нежно тянет Робсона за руку.

– Будь с ними повежливее.

Анастасия и Апполинария проявляют по поводу приключения Робсона безудержный восторг. Обнимают, целуют, заставляют повернуться в одну сторону, потом в другую, чтобы проверить ущерб – «У него кожа лучше твоей, Ася». Юрий улыбается, но он не впечатлен, Дункан не одобряет; падение с крыши мира – вопиющее нарушение семейной безопасности, но его неодобрение не имеет веса. У Дункана Маккензи нет власти с той поры, как Роберт Маккензи вернул себе кон-

троль над «Маккензи Металз». Юрий – генеральный директор компании по гелию-3, которую «Маккензи Металз» соорудила из трупа «Корта Элиу». Денни – напряженный сгусток энергии со стиснутыми зубами, сдавленный, как гелий в пинче с обращенным полем⁷. Денни – звено в цепи мщения: Карлиньос убил его дядю Хэдли в Суде Клавия; Денни перерезал горло Карлиньосу в тупике Жуан-ди-Деуса. Схвати упавшее оружие врага и обрати против него.

Орел Луны хочет узнать секрет Робсона. «Ты упал с высоты три километра и ушел на своих двоих?» Робсон благоговеет. Он никогда не видел Орла Луны во плоти: тот выше, чем Робсон себе представлял, почти такой же высокий, как третье поколение, но сложен, как гора. Официальный наряд-агбада лишь подчеркивает его важность.

«Секрет? – отвечает Дариус взамен Робсона, у которого отнялся язык. – Надо попытаться сделать так, чтобы не удариться о землю».

– Разумный совет.

Голос тихий и изысканный, низкий и мягкий, но он заставляет умолкнуть даже Орла Луны. Мужчины Маккензи опускают головы. Орел Луны берет протянутую руку и целует.

– Леди Сунь.

– Джонатон. Дункан, Адриан.

⁷ Пинч с обращенным полем (reversed pinch field) – установка для магнитного удержания плазмы и термоядерного синтеза.

С незапамятных времен Вдову из «Тайяна» называют Леди Сунь. Никто не знает истинный возраст Сунь Цыси – и никто не посмеет спросить. Возможно, по годам она соперничает даже с Робертом Маккензи. Ретро 1980-х не для Леди Сунь. На ней костюм из искусственной шерсти в стиле 1935 года, юбка ниже колена, жакет до бедер с броскими широкими лацканами, на одной пуговице. Федора с широкой лентой. Классика никогда не выходит из моды. Она миниатюрная даже по меркам первого поколения; рядом возвышаются телохранители – красивые, улыбчивые мальчики и девочки из Суней, в хорошей форме, проворные, в стильных зеленовато-голубых костюмах от Армани и убийственных плащах от Едзи Ямамото. Она притягивает все взгляды. Каждое ее движение сообщает волю и целеустремленность. Ничто не остается необдуманным. Она сдержанна, она волнует, она искрится от мощи. Ее глаза темны и блестящи, все видят, ничего не отражают.

В протянутую руку вкладывают коктейль. Сухой мартини, едва разбавленный вермутом.

– Я принесла свой, – говорит Леди Сунь и делает глоток. На стекле бокала не остается даже намек на след помады. – И да, это ужасно грубо, но я просто не могу пить мочу, которую вы называете «1788-м». – Она обращает пронзительный взгляд на Робсона.

– Я слыхала, ты тот мальчик, который упал с самого верха Царицы Южной. Полагаю, все говорят тебе, какой ты моло-

дец, раз выжил. А я вот скажу, что ты, прежде всего, полный дурак, потому что упал. Если бы мой сын такое устроил, я бы лишила его наследства. На месяц или два. Ты же Корта, не так ли?

– Робсон Маккензи, цяньсуй⁸, – говорит Робсон.

– Цяньсуй. Манеры Корта как они есть. Вы, бразильцы, всегда были льстивыми. У австралийцев нет изящества. Береги себя, Робсон Корта. Вас осталось немного.

Робсон сжимает пальцы правой руки и опускает голову, как его научила мадринья Элис. Леди Сунь улыбается от такой демонстрации этикета Корта. Рука обнимает Робсона за плечи; он морщится от боли. Дариус уводит своего приятеля дальше, в глубь вечеринки.

– Они теперь будут говорить о политике, – объясняет он.

* * *

Робсон чувствует запах Роберта Маккензи до того, как видит его. Антисептики и антибактериальные средства лишь маскируют мочу и дерьмо. Робсон улавливает маслянистый, ванильный запах свежей медицинской электроники; сальные волосы, застарелый пот, дюжина грибковых инфекций и еще дюжина противогрибковых препаратов, которые с ними борются.

⁸ *Qiānsuì* – букв. «тысяча лет»; уважительное обращение к члену императорской семьи (*kum.*).

Подключенный и помещенный в свой аппарат взаимодействия с окружающей средой, Роберт Маккензи обитает в зеленой, полной шепчущих папоротников перголе в центре сада. В папоротниках чирикают и кружатся птицы, мелькают яркие цветочные пятна. Они – яркость и красота. Роберт Маккензи – человек, поправший возраст, поправший биологические ограничения. Он сидит на троне из насосов и очистителей, проводов и мониторов, источников электропитания и капельниц с питательными растворами; не человек, а кожаный мешок в самом центре пульсирующего клубка трубок и проводов. Робсон не может на него смотреть.

Позади Роберта Маккензи – тень за троном – Джейд Сунь-Маккензи.

– Дариус.

– Мама.

– Дариус, опять вейпер. Нет.

Существо в кресле каркает и конвульсивно содрогается, издавая сухой смех.

– Робсон.

– Сунь цяньсуй.

– Ненавижу, когда ты так говоришь, я от этого кажусь себе своей двоюродной теткой.

Теперь раздается голос существа на троне, такой медленный и скрипучий, что Робсон сперва не понимает – обращаются к нему.

– Молодец, Роббо.

– Спасибо, во. С днем рождения, во.

– Это не комплимент, мальчик. И ты Маккензи, так что говори на долбаном королевском английском.

– Прости, дед.

– И все же хороший трюк – упасть с высоты в три кэмэ и уйти на своих двоих. Я всегда знал, что ты один из нас. Ты хоть что-то с этого получил?

– Что?

– Киску. Член. Ни то ни другое. То, что тебе нравится.

– Мне всего лишь...

– Возраст – чепуха. Из всего извлекай выгоду. Так делают Маккензи.

– Дед, могу я тебя кое о чем попросить?

– Это мой день рождения. Я должен быть великодушным.

Чего ты хочешь?

– Трейсеры... вольные бегуны. Ты не станешь их преследовать?

Роберт Маккензи вздрагивает от искреннего изумления.

– С чего бы мне так поступать?

– Потому что они там были. Маккензи мог умереть. Отплати три раза, так заведено у Маккензи.

– Верно, Роббо, верно. Твои спортивные приятели мне не интересны. Но если ты хочешь официального подтверждения, то вот – я не трону ни одного из твоих вольных бегунов. Рыжий Пес, засвидетельствуй.

Фамильяр Роберта Маккензи, названный в честь города в

Западной Австралии, где он нажил свое состояние, раньше носил оболочку пса, но за много итераций и десятилетий изменился, как и хозяин, став узором из треугольников: уши, очертания морды, шея; щели глаз; абстрактное изображение собачьей головы. Рыжий Пес помечает слова Роберта Маккензи и пересылает их фамильяру Робсона, Джокеру.

– Спасибо, дед.

– Попытайся не произносить это так, словно тебя сейчас вырвет, Роббо. И поцелуй деда в честь дня рождения.

Робсон знает, что Роберт Маккензи видит, как он закрывает глаза, когда касается губами чешуйчатой, жесткой, как бумага, щеки.

– Ах да, Роббо. Брайс хочет с тобой повидаться.

У Робсона напрягается живот. Мышцы болезненно сжимаются. В желудке как будто открывается пустота. Он смотрит на Дариуса, прося о помощи.

– Дариус, побудь с мамой хоть пять минут, – говорит Джейд Сунь. – Я в последнее время тебя почти не вижу.

«Я тебя найду», – сообщает Дариус через Джокера. На миг Робсон задумывается, не затеряться ли в лабиринте тропинок и кустарников Лощины Папоротников, но Брайс это предвидел: Джокер рисует на линзе Робсона маршрут через короткие платья, костюмы с большими плечами и еще бóльшие начесы.

Брайс разговаривает с женщиной, которую Робсон не знает, но, судя по росту, дискомфорту в лунной силе тяжести и покрою одежды, догадывается, что она с Земли. Китайская Народная Республика, решает он, оценив ее уверенность и ауру привычной власти. Женщина извиняется и уходит. Брайс кланяется ей. Для крупного, необычайно крупного мужчины у него легкие движения. Он грациозен.

– Ты хотел меня увидеть?

У Брайса Маккензи восемь приемных сыновей. Старший – тридцатитрехлетний Байрон, протеже Брайса в финансовом отделе. Младший – десятилетний Илья, осиротевший после повреждения обиталища в Шварцшильде. Он выжил восемь часов в гробу убежища, заваленный трупами и камнями. Робсон это понимает. Беженец, нищий, брошенный, сирота – Брайс Маккензи всех взял в семью. Тадео Маккензи даже женился, причем на женщине, но все те же кабели страха, которые, по ощущениям Робсона, пронизывают выбеленный солнцем скелет «Горнила», словно нервы, прошивают кожу каждого из приемных сыновей. Стоит дернуть, и их сразу тащит ближе друг к другу.

– Робсон.

Полное имя. Подставленная щека, сыновние поцелуи.

– Чтоб ты знал, я на тебя очень-очень сержусь. Возможно,

мне понадобится много времени, чтобы тебя простить.

– Я в порядке. Просто пара синяков.

Брайс оглядывает его с головы до ног. Робсон чувствует, как этот взгляд сдирает одежду.

– Да, мальчишки – необычайно выносливые создания. Сколько ни лупи, все ни по чем.

– Я пролетел мимо опоры. Я ошибся.

– Да, и физические упражнения очень важны, но, Робсон, честное слово. Хоан за тебя отвечал. Я отдал тебя под его опеку. Нет, я попросту не могу так рисковать снова. В «Горниле» тебе будет безопаснее.

Робсону кажется, что его сердце остановилось.

– У меня для тебя подарок. – Робсон слышит возбуждение в голосе Брайса. Его вот-вот стошнит от страха и отвращения.

– Мой день рождения в месяц Весов, – возражает Робсон.

– Это не на день рождения. Робсон, это Микаэлла.

Она поворачивается от человека, с которым разговаривала – невысокая, мускулистая, белая Джо Лунница. За время, проведенное на Луне, она изучила этикет Маккензи: короткий отрывистый кивок.

– Она твой личный тренер, Робсон.

– Мне не нужен личный тренер.

– Это нужно мне. Тебе надо окрепнуть. Я люблю, чтобы мои мальчишки были мускулистыми. Начнешь завтра.

Брайс прерывается, смотрит вверх. Робсон тоже это ви-

дит: свет падает под другим углом.

Свет никогда не движется. В этом мощь «Горнила»: незыблемый полуденный свет, сфокусированный на плавающих над головой.

Свет сдвинулся. Он движется.

– Робсон, если хочешь жить, за мной.

Легконогий Брайс еще и быстр. Он хватает Робсона за руку и почти летит, совершая огромные лунные скачки; звучит сигнал тревоги, и на каждой линзе появляются многочисленные уведомления о чрезвычайном происшествии. Общая эвакуация. Общая эвакуация.

* * *

Солнечный свет касается лица Дункана Маккензи, когда он смотрит вверх. Каждый Маккензи в Лощине Папоротников смотрит вверх, и лица их исполосованы внезапными тенями листьев. Леди Сунь приподнимает бровь.

– Дункан?

Одновременно с нею Эсперанса, фамилльяр Дункана, шепчет ему на ухо слова, которых он страшился всю жизнь.

«Железный Ливень».

Апокалиптический миф «Маккензи Металз»: день, когда тонны жидких редкоземельных металлов прольются из небесных плавильных печей. Никто на «Горниле» никогда не верил, что это возможно. Все на «Горниле» знают эти слова.

– Леди Сунь, мы должны эвакуироваться... – начинает Дункан Маккензи, но свита Вдовы Тайяна уже сомкнулась вокруг нее и без колебаний проталкивается через ошеломленных гостей вечеринки. Они отпихивают с дороги Джонатона Кайода; охранники Орла собираются вокруг него плотной фалангой, руки тянутся к ножам в чехлах.

– Оставьте это, вытащите нас отсюда! – кричит Эдриан Маккензи. Течение народа к шлюзу, ведущему в следующий вагон, переходит в паническое бегство. Возгласы становятся воплями. – Не туда, идиоты! К спасательным модулям!

– Эдриан, что происходит? – спрашивает Орел Луны.

– Я не знаю, – отвечает Эдриан Маккензи, присев в убежище в кольце телохранителей. С ножами наголо охранники Орла отталкивают сбитых с толку, растерявшихся гостей вечеринки с дороги. – Это не разгерметизация. – Потом его глаза широко распахиваются, когда фамилльяр шепчет те же самые слова: «Железный Ливень».

– Мистер Маккензи. – Подчиненный Дункану Маккензи начальник «Горнила» – невысокий танзаниец, мускулистый Джо Лунник. – Мы потеряли контроль над зеркалами.

– Над сколькими?

– Всеми.

– Что?

– Сэр, через минуту температура достигнет двух тысяч кельвинов.

Свет, что льется через папоротники, яркий и горячий,

словно свежавыкованные ножи. Каждая птица, каждое насекомое в папоротниковых джунглях затихли. Воздух обжигает ноздри Дункана.

– Мой отец...

– Сэр, мне поручено защищать вас.

– Где мой отец? Где мой отец?

* * *

Хватка у Брайса Маккензи стальная. Под его жиром прячутся мышцы. Он отшвыривает в стороны гостей вечеринки, мальчишек и девчонок – макияж поплыл, каблуки сломаны, – пока волочит Робсона к зеленым мерцающим кругам света, которые отмечают спасательные модули.

– Что такое, что происходит? – спрашивает Робсон. Вокруг него голоса задают тот же вопрос, шум становится все громче по мере того, как неуверенность переходит в страх, а тот – в панику.

– Железный Ливень, мальчик.

– Но этого не может быть. Я...

Свет делается интенсивнее, тени укорачиваются.

– Конечно, не может. Это не несчастный случай. На нас напали.

«Хоан», – шепчет Джокер, и его лицо появляется на линзе Робсона.

– Робсон, где ты? Ты в порядке?

– Я с Брайсом, – кричит Робсон. Теперь вокруг ужасный шум и гам. Руки тянутся к нему, пытаются оторвать от Брайса и от места в спасательной капсуле. Брайс Маккензи тащит мальчика, словно буксир, через хваткие руки и цепкие пальцы. – С тобой все нормально?

– Я выбрался, я снаружи. Робсон, я тебя найду. Обещаю. Я тебя найду.

Лицо Хоана превращается во вспышку пикселей. «Сеть упала», – сообщает Джокер. Краткая, ужасная тишина наполняет Лощину Папоротников. Все фамильяры исчезли. Все отключены. Все в одиночестве, друг против друга. Потом крики начинаются всерьез.

– Брайс! – вопит Робсон и тянет его руку обратно. Все равно что двигать саму Луну.

Арьергард из двойного ряда рубак с ножами наголо защищает шлюз.

– Брайс, где Дариус?

Рубаки расступаются, впуская Брайса и Робсона. Потом отталкивают нахлынувших в панике гостей вечеринки. Шлюзовая камера открыта, кольцо огней пульсирует зеленым.

– Брайс! – Робсон пытается высвободить пальцы. Брайс останавливается, поворачивается, в изумлении таращит глаза.

– Тупой, неблагодарный щенок.

Пощечина оглушает Робсона. Челюсть щелкает, в гла-

зах взрываются звезды. Он чувствует, как течет из ноздрей кровь. Каждый синяк на его теле вопит. Робсон шатается, а потом руки хватают его за ворот пиджака и через шлюзовую камеру втаскивают в спасательный модуль.

– Вперед, вперед, – кричит Брайс. С гудящей от удара головой Робсон падает на скамью с мягким сиденьем. Шестеро рубак вваливаются в капсулу, и дверь закрывается, словно ножницы.

«Выброс через десять, – говорит ИИ. Брайс пристегивается рядом с Робсоном, прижимает его к массивному рубаке-украинцу. – Девять».

– Роббо. Робби. Робсон.

Робсон трясет головой, пытаясь вернуть зрению четкость. Дариус пристегнут напротив него. Его глаза широко распахнуты, лицо побелело от ужаса. Он стискивает вейпер в плотно сжатом кулаке.

– Дариус.

«Два, один. Пуск».

У мира отваливается дно.

* * *

Внутренний шлюз плотно закрывается, наружный открывается. Джейд Сунь чинно усаживается в спасательном модуле. Система жизнеобеспечения Роберта Маккензи маневрирует в тесном шлюзе. Внутренняя дверь словно преврати-

лась в фестивальный барабан, так по ней стучат: кулаки, кулаки, кулаки. Техника Маккензи построена для Луны: человеческие руки ничто для нее, как бы их ни было много и как бы они ни отчаялись. Через несколько секунд зеркала сфокусируются на Лощине Папоротников, на каждом из тысячи вагонов «Горнила». Двадцать тысяч зеркал, двадцать тысяч солнц. Техника Маккензи не выстоит перед светом двадцати тысяч солнц.

И тогда барабанная дробь по двери прекратится.

«Пятьдесят секунд до Железного Ливня», – сообщает фамилляр Джейд Сунь. Сеть упала, но фамилляр Роберта Маккензи должен был сказать ему то же самое.

– Джейд, помоги мне, женщина. Я не могу заставить эту хрень сдвинуться с места.

Джейд Сунь-Маккензи устраивается поудобнее на скамье с мягким сиденьем.

– Джейд. – Это приказ, не просьба.

Джейд Сунь-Маккензи пристегивается. В шлюзе Роберт Маккензи дергается и рвется, насколько ему позволяет чахлая, ломкая сила, как будто он мог бы сдвинуть массивный трон жизнеобеспечения с помощью собственного воробышного веса.

– Почему эта штука не движется, мать твою?

– Потому что я этого не хочу, Роберт.

* * *

У Дункана Маккензи что-то дергается в животе, когда открываются стопоры и модуль выпадает наружу. Джонатон Кайод, сидящий по другую сторону расположенных кольцом кресел, вперил в него взгляд. Орел Луны серый от страха. Его пальцы тесно переплелись с пальцами его око. Ни один из его телохранителей не добрался до капсулы с ним. Несколько секунд модуль свободно падает на тросах, потом включаются тормоза; внезапное падение скорости вынуждает Орла Луны всхлипнуть от страха. Модуль мягко приземляется и надежно встает на колеса. Разрывные болты отцепляют тросы, каждый с небольшим содроганием. Завывают моторы; модуль мчится прочь от умирающего «Горнила». Огромный поезд превращается в линию ослепительного света, изогнутую вдоль горизонта: восход сверхновой.

– Мой отец в порядке? – спрашивает Дункан Маккензи. – Он в порядке?

* * *

Кресло не хочет двигаться. Хилое тело Роберта Маккензи содрогается, когда он пытается заставить устройство жизнеобеспечения повиноваться. Его глаза, мышцы его челюсти, в

которых хранятся последние резервы его чудовищной воли, вены его горла, его запястья, его виски напрягаются и выпячиваются. Трон его игнорирует.

– Мы взломали твоё устройство жизнеобеспечения, Роберт, – говорит Джейд Сунь. – Давным-давно. Рано или поздно мы бы все равно тебя отключили. – Спасательный модуль вибрирует от мягких сотрясений, когда другие модули вываливаются из аварийных шлюзов. – Зеркала – это не наших рук дело, но какой из меня Сунь, если я не ухвачусь за открывшуюся возможность?

Толстые струи слюны повисают в углах рта Роберта Маккензи, когда он поднимает руки к трубкам, вставленным в шею.

– Ты не можешь отключиться, Роберт. Ты слишком долго был частью этой системы. Я закрываю шлюз прямо сейчас.

Каждый вдох обжигает горло Джейд Сунь. «Температура воздуха внутри „Горнила“ составляет четыреста шестьдесят кельвинов», – говорит Ши Кэ.

Стук по двери шлюза прекратился.

– Я. Не пытаюсь. Отключиться, – говорит Роберт Маккензи. Пальцы-крючья что-то выдергивают из воротника. Что-то движется расплывчатым пятном: Джейд Сунь вздрагивает в своем противоударном кресле, когда к ней с молниеносной скоростью подлетает миниатюрный жужжащий объект. Она скидывает руку к месту на шее, где внезапно ощущает болезненный укол, и роняет ее. Лицо женщины обмяка-

ет, глаза и рот распахиваются. Нейротоксины АКА быстры и надежны. Джейд Сунь оседает в кресле, ремни безопасности удерживают ее в прямом положении. Муха-убийца жужжит у нее на шее.

– Надо было немедленно закрыть шлюз, сука, – шипит Роберт Маккензи. – Гребаным Суням нельзя доверять.

Потом его каркающее презрение переходит в ужасный крик, когда зеркала обращают на него полный фокус и превращают старика, каждого человека и каждый предмет в Лощине Папоротников в пламя. Титан, сталь, алюминий, строительный пластик проседают, тают, становятся жидкостью в интенсивном жаре, а потом разлетаются вверх и наружу во вспышке расплавленного металла, когда на «Горниле» происходит взрывная разгерметизация.

* * *

Когда Робсон Маккензи упал с вершины Царицы Южной, ему было страшно. Страшней, чем когда-либо в жизни. Он не мог себе представить более сильный страх. Но такой страх существует. Робсон погружен в него, пока над головой плавится «Горнило». Во время великого падения жизнь и смерть зависели от его выбора и мастерства. Здесь он беспомощен. Ничто из того, что он может сделать, его не спасет.

Робсона бросает вперед, на ремни безопасности. Его желудок кувыркается. Момент невесомости, потом модуль

жестко приземляется. Он движется, он пытается уйти на безопасное расстояние, но куда, как быстро, как скоро, Робсон не знает. Что-то дергает его влево, потом вправо. Трясет, кренит. Скрепит, трещит и завывает. Робсон понятия не имеет, где он и что происходит. Шумы, удары. Он хочет видеть. Он должен увидеть. Все, что Робсон может увидеть, это лица вокруг него – они бросают взгляды друг на друга, но не позволяют, чтобы эти взгляды заметили, потому что тогда можно блевануть от страха.

Капсула останавливается. Раздается долгий скрежет. Мо- дуль опять начинает двигаться, очень медленно.

Робсон снова в Боа-Виста, в конце всего, когда отключилось электричество и погас свет, и ничего нельзя было увидеть, кроме лиц, которые глядели друг на друга в зеленом свечении аварийных биоламп убежища. Шумы. Робсон помнит треск взрывов и то, как все каждый раз закрывали глаза, боясь, что следующий снаряд раздавит убежище, словно оброненный чайный стакан. Один сильный взрыв, а потом ужасное шипение, как будто мир рвут напополам; убежище затряслось и заходило ходуном на своих пружинных опорах, и все были слишком испуганы, чтобы кричать, и мощное шипение перешло в тишину, и так Робсон Корта понял, что дворец Боа-Виста раскрыт для вакуума. Так Робсон понял, что его отец мертв.

«Мы в безопасности. – Мадринья Элис крепко обнимала Луну и говорила ей снова и снова. – Ты в безопасности. Убе-

жище нельзя взорвать». «Они взорвали Боа-Виста», – подумал Робсон, но ничего не сказал, потому что знал: от одной искры в переполненном убежище начнется пожар страха и весь кислород сгорит в одно мгновение.

Убежище нельзя взорвать. Спасательные модули могут пережить что угодно.

В тот раз, когда во тьме появились движущиеся из стороны в сторону сигнальные огни, он не знал, спасители это или убийцы.

Робсон бьет по кнопке фиксатора на груди. Подтягивает себя к иллюминатору.

Он не может умереть в стальном пузыре. Он должен увидеть. Должен!

«Горнило», линию расплавленного света, сотрясает череда малых извержений. Дальний конец умирающего поезда прячется за горизонтом, но Робсон видит светящиеся слезы из расплавленного металла, каждая размером со спасательный модуль, они летят по дуге, подымаясь на километры, вертятся, кувыркаются и разделяются. Он прикрывает глаза от света. Зеркала все еще оставляют следы, все еще движутся, рассекая своими двухтысячекельвиновыми лезвиями колонны и вагонные тележки. Лишенные опоры, ретортные печи падают. Фермы гнутся, конвертеры изгибаются и изливают содержимое. Железный Ливень. Редкоземельные металлы проливаются и утекают. Ярко светящиеся лантановые льдины, потоки церия и фермия, длинные языки раскален-

ного рубидия. Детонируют воздушные карманы; взрываются сложные, красивые машины. Над Океаном Бурь идет дождь из расплавленного металла.

И вот начинают рушиться сами зеркала, их опорам нанесен непоправимый ущерб. Один за другим они искривляются и падают, рассекая световыми мечами небо, рассекая море, выплавляя стеклянные дуги из пыли Океана Бурь. Робсон видит, как погибает модуль, разрезанный смертоносным, неумолимым фокусом плавильного зеркала, а за ним еще один. Один за другим двадцать тысяч зеркал «Горнила» падают. Зеркало за зеркалом гаснут, нисходит тьма. Теперь единственный свет – тот, что излучает расплавленный металл и аварийные маяки спасшихся бегством модулей.

Робсон понимает, что плачет. Крупными, беспомощными слезами. Его грудь ходит ходуном, дыхание сбивчивое. Это скорбь. Он ненавидел «Горнило», ненавидел интриги, секретность и таящийся по углам страх, политику и то чувство, что каждый встреченный человек лелеет план, в котором он жертва. Но это был дом. Не в том смысле, в каком Боа-Виста был домом; ничто и никогда не сможет стать вторым Боа-Виста; ему не суждено туда вернуться. Но это был дом, и теперь его нет, он погиб, как погиб Боа-Виста. Мертв. Убит. У Робсона было два дома, и оба погибли. Каков связующий фактор? Робсон Жуан Баптиста Боа Виста Корта. Должно быть, с ним что-то не так. Мальчик, у которого не может быть дома. Дом у него все время отнимают. Как пайзинью, как майн,

как Хоана. Пай послал его в Царицу, на «Горнило», где Хэд-ли попытался сделать из него защитника. Когда он вернулся в Боа-Виста, пайзинью бросал в него гандбольные мячи, достаточно сильно, чтобы причинить боль, чтобы оставить синяки, чтобы заставить его ненавидеть. Все. Всегда. Отнимают.

Стальной дождь закончился. Эвакуационный модуль несется по морю в металлических кляксах, связываясь со спасательными центрами, шахтерскими базами и обиталищами по всему огромному Океану Бурь. Зеркала глядят, словно горящие глаза, с тех мест, куда упали и где нашли свое последнее упокоение. Разрушение «Горнило» достаточно яркое, чтобы его увидели с Земли. Небо озарено движущимися созвездиями, мерцающими огнями – Робсон знает, что это маневровые двигатели. ВТО подключила каждый поисковый и спасательный корабль на Луне. Нет нужды искать, нечего спасать. Либо ты выживаешь, либо Луна тебя убивает.

Робсон обнаруживает в своей руке какой-то предмет. Прямоугольный, с закругленными углами, толстый и тяжелый на ощупь. Он смотрит вниз. Его карты, колода, которую Хоан подарил ему, когда был его око, и которую он с той поры берег. Он снимает колоду, медленно, не торопясь. В том, как пальцы перебирают карты, ощущается утешение и надежность. С этим он может справиться. Карты в его власти.

2: Дева – Весы 2105

Тела в каждой комнате и туннеле, каждом коридоре и шлюзе. Тела сидящие, лежащие, на корточках, со скрещенными ногами, с опущенными головами. Тела прислоняются друг к другу. Тела в вечерних нарядах: «Шанель», «Дольче Габбана», «Фиоруччи», «Вествуд». Тела мало говорят, движутся еще меньше, ждут. Тела берегут воздух. Комнаты, туннели, коридоры Лансберга гудят от синхронизированного неглубокого дыхания выживших. Каждые несколько минут открывается какой-нибудь шлюз и входят новые спасенные в вечерних нарядах, глубоко вздыхают и чувствуют влажный, вонючий, переработанный воздух; потом их чибы переходят в режим чрезвычайной ситуации и понижают дыхательный рефлекс до легкого шороха. Дыша со свистом, силясь вдохнуть полной грудью, они отыскивают себе место среди сбившихся в кучи выживших, чтобы там сидеть и ждать.

Лансберг – депо в Первой Экваториальной, обслуживающее Центральную магистраль Бурь; редут, выкопанный под кратером Лансберга для ботов, служебного транспорта и бригад путевых рабочих, чья вахта длится два лунных месяца. Система жизнеобеспечения депо предназначена для пятидесяти человек в крайнем случае. В темных помещениях набилось в двадцать раз больше. Через восемь часов после Железного Ливня спасательные модули все еще заползают в

шлюзы на резервном питании и выгружают выживших, страдающих от гипоксии и обезвоживания, охваченных ужасом. Инженеры Лансберга печатают установки для очистки воздуха от CO₂, но теперь отказывает система переработки воды. Туалеты сдались много часов назад. Еды нет.

Дариус Маккензи шипит от досады и швыряет карты веером через коридор. «Я не понимаю», – говорит он через Аделаиду, своего фамильяра. Робсон собирает карты. Выравнивает колоду и медленно повторяет фокус для Дариуса. Резкое движение большим пальцем, плавный переход в захват Тенкая. Он демонстрирует руку, растопыривает пальцы. Понятно? Точность трюка зависит от относительного угла между ладонью и картой, благодаря которому карту совсем не видно. Это один из наиболее трудных шулерских трюков. Робсон отрабатывал его перед камерой час за часом. Память тела неподатлива, оно учится медленно; только многократное повторение позволяет внедрить движение, плавность, своевременность в самую ткань мышц. Карточные фокусы – вид исполнительского искусства, который удостоивается наибольшего количества репетиций. Фокусник повторит движение десять тысяч раз, прежде чем осмелится показать его зрителям.

Брайс ненадолго заглянул проверить, как у Робсона дела, прежде чем изъять лунный корабль ВТО, чтобы тот доставил мальчика в Царицу Южную. «Горнило» погиб, «Маккензи Металз» должна выстоять. Это было пять часов назад. На

протяжении первого часа Робсон и Дариус цеплялись друг за друга, опустошенные немыслимым масштабом разрушений. Потом Робсон осмелился выйти в сеть. Его захлестнули ужасы. Цифры, имена. Имена людей, которых он знал; имена тех, кто ему улыбался, разговаривал с ним, тыкал в его синяки, невинно дурачась, расписывался блеском для губ на его ребрах; имена с большими начесами и в вечерних нарядах. Восемьдесят погибших; сотни пропавших без вести. Он сидел, ощущая каждый вдох, поступающий в сдавленную грудь, не в силах осознать услышанное. Он три часа слушал новости. Потом достал колоду.

«Я хочу научить тебя, как прятать карту, – прошептал он. – Утаивание карты – это вроде как сердце карточного фокуса. Она есть, но спрятана прямо под носом у публики, и если она мне понадобится, я в любой момент могу ее вернуть».

Он показал Дариусу классику, захваты Югара и Тенкая, а новые беженцы в это время осторожно переступали через их вытянутые ноги, и отряды водоносов и медиков ВТО пробирались по коридорам туда-сюда.

«Теперь попробуй сам».

Дариус берет колоду, поднимает верхнюю карту, зажав ее между первым и вторым пальцами, делает фальшивый бросок и сгибает пальцы так, чтобы карта притаилась между кончиком и основанием его большого пальца. Что-то его отвлекает: трюк так и остается незаконченным. Карты сыплются из его руки. Робсон, прищуриваясь, вглядывается во

влажную, пыльную дымку. Леди Сунь и ее свита осторожно переступают через лежащих без сил беженцев. Она дышит свободно и глубоко, через маску, один из охранников несет баллон с кислородом. Она убирает маску от рта.

– Дариус. Подъем, подъем.

Она машет пальцами: вставай. Дариус, шатаясь, поднимается на ноги. С обеих сторон к нему подступают телохранители, чтобы помочь сохранить равновесие. Они как будто не испытывают неудобств от неглубокого дыхания. Леди Сунь обнимает Дариуса. Робсон стискивает зубы, когда ее тонкие, словно у жертвы голода, руки, ее костлявые пальцы обхватывают его друга.

– О, мой дорогой мальчик. Мой дорогой мальчик. Мне так жаль.

– Мама... – говорит Дариус. Леди Сунь прижимает длинный указательный палец к его губам.

– Не говори. – Она прижимает дыхательную маску к своему лицу, потом – к лицу Дариуса. – Нас ждет автомотриса. Ты будешь в безопасности во Дворце Вечного света.

Красивые девушки и парни окружают Дариуса защитным кольцом. Он бросает взгляд на Робсона, и Леди Сунь впервые его замечает.

– Сеньор Корта, я рада, что с вами все в порядке.

Робсон поджимает пальцы и коротко кивает в семейном жесте уважения. Леди Сунь улыбается. Быстрый трюк фокусника, и Робсон протягивает Дариусу половину колоды. Да-

риус прячет карты во внутренний карман пиджака. Охранники уже уводят его по коридору, расчищая путь среди толкающихся, теснящихся Маккензи, которые услышали слово «автомотриса». Дариус в последний раз бросает взгляд назад, а потом свита Леди Сунь выталкивает его в шлюз, ведущий на станцию.

«Я тебя больше никогда не увижу, верно?» – шепчет Робсон.

* * *

Лансберг пустеет, тело за телом. Легкие Робсона расширяются, вдох за вдохом. Объявления о поездах, люди встают и уходят. Работники ВТО спрашивают, ты идешь? «Нет. Я жду». Кого ты ждешь?

Теперь Робсон остался в коридоре один. Он сидит и ждет, потому что это единственный путь на станцию и с нее. Этой дорогой пройдет тот, кого он ждет. И в конце концов Робсон засыпает, потому что ожидание – это тупая, тошнотворная боль, вроде как душевный тиннитус⁹.

Кто-то пинает его в подошву. И еще раз.

– Эй.

Хоан, присевший перед ним на корточки. Настоящий, истинный, Хоан.

⁹ Звон или шум в ушах.

– Ох, это ты, ох... – Робсон бросается на Хоана. Они валяются поперек пустого коридора. – Где ты был? Где же ты был?

– Попал на поезд и уехал в Меридиан. Ушло много времени, чтобы разыскать поезд, идущий к Лансбергу. Очень много. – Хоан крепко обнимает Робсона; такая вот любовь, выворачивающая суставы. Новые синяки поверх старых.

– Я так испугался, – шепчет Робсон Хоану на ухо. – Все... – но слов не хватает.

– Идем, – говорит Хоан. – Надо привести тебя в порядок. Когда ты в последний раз ел? Я принес еду.

Когда слов не хватает, на помощь приходит всякая чепуха.

* * *

Старые женщины должны сидеть на солнце. Каждое место вокруг стола освещается сверху солнечным лучом. В луче дрейфуют пылинки. Игра древняя, но стоит того, чтобы в нее играть; нужно отследить пятно обратно к зеркалу, от зеркала к зеркалу, к сотне ярких, как солнце, зеркальных точек в вечной тени бассейна Шеклтона, к высокому, ярко горящему маяку Павильона Вечного света. От вечной тьмы к вечному свету. Вся эта чепуха с зеркалами развлекает тех, кто знает, как устроен трюк, но все же она, как и раньше, чувствует всплеск благоговения, когда зеркала движутся во тьме, улавливают свет и вспыхивают.

Когда зеркала движутся, совет директоров «Тайяна» заседает.

– Леди Сунь?

Двенадцать лиц, каждое озарено личным солнцем, обращаются к ней.

– Мы разорвем их на части.

Вы думали, я не слушаю, вы думали, я старая дурочка, которой позволили сидеть на свету лишь из уважения к моему возрасту, слабоумная развалина, которая наслаждается теплыми лучами на лице.

– Прошу прощения, двоюродная бабушка? – спрашивает Сунь Лицю.

– Братья всегда друг друга ненавидели. Они держались вместе лишь благодаря компании и своему отцу. Роберт мертв, а «Горнило» – лужа расплавленного металла в Океане Бурь. У нас идеальная позиция, чтобы украсть бизнес для солнечного пояса.

– Брайс начал переговоры по поводу запасов «Маккензи Фьюзибл» в L5, – говорит Сунь Гуань-инь, инъюнь «Тайяна». Сильный, направленный вниз свет порождает на каждом лице густые, жесткие тени.

– О, это недопустимо, – говорит Леди Сунь. – Нам нужен какой-то рычаг давления на Брайса.

– Человек в долгу – это человек, который ведет себя благовоспитанно, – говорит Тамсин Сунь. Она возглавляет юридический отдел «Тайяна». Леди Сунь восхищается и не до-

веряет ее отточенному, амбициозному интеллекту.

– Любые меры будут надежными, – говорит Сунь Ливэй. – Ничто не свяжут с нами.

– Все догадаются, – возражает Аманда Сунь. Свет, направленный вниз, обошелся с нею еще суровей, чем с остальными членами правления. Тени в ее глазах, под скулами, говорят: «Убийца». Ты хорошо все обстряпала, думает Леди Сунь. Я тебе не верю. У тебя нет ни таланта, ни качеств, чтобы убить Лукаса Корту. Нет-нет, маленькая убийца, тот человек, чьей смерти ты на самом деле хочешь и всегда хотела, это я. Ты так и не простила меня за тот жестокий никах, что приковал тебя к Лукасу Корте.

– Позвольте им, – говорит Леди Сунь.

Теперь все головы поворачиваются к Сунь Чжиюаню, шоуси¹⁰ «Тайяна».

– Я согласен с бабушкой. Мы будем разделять и властвовать. Как сделали с Маккензи и Корта.

У Корта был стиль. Леди Сунь часто сожалеет о том, что их уничтожили ради такой безвкусной вещи, как выгода.

* * *

Абена Маану Асамоа не отвечает на его голосовые звонки. Не пишет сообщения, не хочет общаться ни на каком со-

¹⁰ Шоуси (shǒuxí) – генеральный директор (кит.).

циальном форуме. Не признает, что Лукасинью Корта существует в той же самой вселенной. Он связывается с друзьями и друзьями друзей. Он обращается к семье. Он посылает в ее квартиру написанные от руки письма на ароматизированной бумаге ручной работы. Платит племяннице, чтобы писала. Лукасинью Корта не умеет писать. Он постит извинения. Он постит няшности, кавайи и эмодзи. Он посылает цветы и ароматизированных бабочек. Он становится сентиментальным, он становится жалким, он начесывает волосы на глаза и чуть надувает полные губы, потому что знает – так он неотразим, а еще он сердится.

И вот наконец он приходит к ней домой.

Из всех городов Луны Тве сильнее прочих сбивает с толку; он наименее структурирован, наиболее органичен и хаотичен. Его корнями было скопление сельскохозяйственных труб, уходящих в глубь Маскелайна, которые с годами и десятилетиями обросли туннелями, линиями электроснабжения и трубопроводами, тянущимися сквозь камень, связывающими, объединяющими, раздувающими пузыри обиталищ, и пробурили новые шахты и цилиндры, идущие вверх, к солнцу. Это город клаустрофобных коридоров, которые переходят в высоченные шахты, где все блестит от зеркал, передающих солнечный свет от яруса к ярусу, где уровень над уровнем созревают зерновые. Зеркала посылают шальные лучи через лабиринт Тве, на стены, в квартиры, лестничные колодцы в определенные моменты дня. В долгой лун-

ной ночи пурпурный свет массы светодиодов просачивается из трубоферм в лабиринт туннелей и переходов. Лукасиною нравится этот грязный, сексуальный розовый. Он превращает каждый туннель и каждую шахту в эрогенную зону.

Общественных пространств мало, и они забиты киосками, продуктовыми ларьками, печатными мастерскими и барами. Туннели и улицы Тве, слишком узкие для такси-моту, кишат пауэрбордами и скутерами. Гудки гудят, колокольчики звенят, люди вопят. Тве – это какофония, радуга, банкет. Граффити, девизы, адинкра, библейские стихи украшают каждую поверхность. Лукасиною любит шум Тве, его целесообразность, то, как преднамеренно неправильный поворот может привести к новым местам и людям. Больше всего он любит запах. Сырость, плесень, что-то растущее и что-то гниющее, нечистоты и глубокая вода. Рыба, пластик. Неповторимый резкий дух воздуха, как следует прогретшегося на сильном солнце. Аромат и фрукты.

На протяжении восемнадцати месяцев с той поры, как Лукасиною Корта прибыл в Тве, он был принцем в изгнании и наслаждался защитой и благоволением Асамоа. Лукасиною любит Тве. Сегодня Тве не любит Лукасиною Карту. Друзья отворачиваются, не хотят смотреть в глаза; компании распадаются, стоит ему приблизиться; люди исчезают в толпе, переворачивают свои пауэрборты, меняют направление и скользят прочь.

Выходит, все знают про Аделайю Оладеле.

Коллоквиумная квартира Абены расположена на двадцатом уровне обиталища Секонди; это цилиндр глубиной в полкилометра, в котором жилые пространства кольцом окружают вертикальный сад из абрикосов, гранатов и инжира. Строй зеркал под стеклянной крышей посылает длинные осколки света вниз, сквозь листву. Абена переехала сюда, когда присоединилась к коллоквиуму «Кваме Нкрума». Это ведущий коллоквиум Тве по политической науке, но Лукасинью больше нравилось ее старое жилье. Оно было более уединенным. Меньше людей, и те, с кем он все же сталкивался, не осуждали его постоянно за какой-нибудь изъяз по части идеологии, привилегий или политики.

И секса на старом месте у него было куда больше.

«Дверь мне не отвечает», – сообщает его фамилляр, Цзиньци. Лукасинью проверяет свой внешний вид через линзу, проводит расческой по волосам, поправляет узел белого галстука на черной рубашке. Все его пирсинг-украшения в положенных местах. Они ей нравятся. Он стучит по двери костяшками пальцев.

Внутри движение. Они должны узнать, кто стоит на галерее.

Он стучит снова. И снова.

– Абена!

Снова.

– Абена, я знаю, ты там.

– Абена...

– Абена, поговори со мной.

– Абена, я лишь хочу поговорить. Это все. Просто поговорить.

К этому моменту он прислонился к двери, прижимается щекой к дереву, легонько постукивает полусогнутым средним пальцем правой руки.

– Абена...

Дверь открывается достаточно широко, чтобы показались глаза. Они принадлежат не Абене.

– Лукас, она не хочет с тобой говорить. – Афи – коллега по коллоквиуму, которая меньше всех презирает Лукасиною. «Это прогресс», – думает он.

– Мне жаль. Честно. Я просто хочу, чтобы все было правильно.

– Ну, может быть, тебе стоило подумать об этом, прежде чем трахаться с Аделайей Оладеле.

– Я не трахался с Аделайей Оладеле.

– Да ладно? Ты кончил пять раз за три часа. И как такое называется?

– Управление оргазмом. Чтоб ты знала, он безумно, безумно в этом хорош.

– Значит, управлять оргазмом – это не трахаться.

С чего вдруг ему взбрело в голову, что Абена подсказывает Афи реплики?

– Управлять оргазмом – это не трахаться. Управлять оргазмом – это управлять оргазмом. С помощью рук. Это не

что-то интимное, как трах.

– Аде три часа держал твой член в руках, и это не что-то интимное?

У Аделаи Оладеле руки ангела, признается Лукасиною самому себе. Три часа. Пять оргазмов.

– Это... просто игра. Для парней.

– Для парней. Ладненько.

Лукасиною не одержит здесь победу. Надо спастись, пока цел.

– Дело не в том, что я...

– Ты – что?

– Люблю его или что-то в этом духе.

– Потому что ты любишь меня. Ее. Ее!

– Я не люблю Аделаю Оладеле.

Изнутри квартирки раздается всхлип. Афи бросает взгляд через плечо.

– Лукасиною, просто уйди.

– Я просто уйду.

«Я мог бы тебя проинструктировать», – говорит Цзиньцзи, пока Лукасиною пялится на закрытую дверь.

– Ты ИИ, – говорит Лукасиною. – Что ты знаешь о девушках?

«Больше, чем ты, судя по всему», – отвечает фамилляр.

Но у Лукасиною есть план. Блестящий, безупречный, романтический план. Достигнув входного туннеля на уровень 12, он бежит во весь опор. Полы пиджака от «Армани» развева-

ются. Цзиньци делает заказ, и пауэрборд встречает его на пересечении Восьмой и Даун. Лукасинью приседает, раскинув руки для равновесия, складки брюк хлопают в зоне пониженного давления, которую он создает сам. Борд танцует в потоке пешеходов и машин. Лукасинью останавливается снаружи квартиры тиа Лусики – руки сложены, сама бесстрастность в костюме от «Армани».

Когда кухонное пространство раскрывается, он голый.

– Луна, давай-ка пойдем за шербетом, – говорит мадринья Элис. Тиа Лусика возражает против восторженной наготы Лукасинью, но тиа Лусика теперь почти не бывает дома: обязательства новой омахене Золотого трона удерживают ее в Меридиане. Луна привыкла, что кузен щеголяет в чем мать родила. Из кухни ее и мадринью изгоняет само присутствие Лукасинью. Он превращается в примадонну.

Обнаженный Лукасинью, шлепая босыми ногами, подходит к столешнице. У него есть рецепт, есть ингредиенты, есть талант. Лукасинью делает глубокий вдох, трет ладонями крепкий брюшной пресс, вогнутости на невероятной тугой заднице, напряженные мышцы внизу спины. Это тебя уложит наповал, Абена Маану Асамоа. Он разминает мышцы и щелкает костяшками пальцев. Подымает пластиковое сито с мукой и устраивает медленный снегопад, падающий в рабочую миску. Чудесное вещество. Лукасинью знает, сколько она стоит и как она редка. Это плод любви, искусство, превосходящее кустарщину. Лукасинью погружает руки в миску

и наслаждается шелковистым потоком муки; она почти жидкость, что вихрится вокруг его пальцев. Он берет щепотку и смотрит, как мука опускается, падая каплями из облака, где пудра сбилась в комок.

Лукасиною погружает указательный палец в муку, что еще не улеглась, и рисует линии вдоль каждой скулы. Линию через центр лба. Мазки муки на каждый сосок. И наконец белый круг на коричневой коже его чакры свадхиштхана. Творчество, секс, страсть, желание. Взаимодействие, отношение, сексуальная память. Он готов.

– Будем печь.

* * *

Кремом он украшает ее. Мазок на горле, по одному на каждый сосок, на живот, пупок. Она останавливает его палец с кремом на полпути между остатками торта и своей вульвой.

– Помечаешь кремом мои чакры? – говорит Абена Маану Асамоа. Лукасиною наклоняется и помещает каплю крема на капюшон ее клитора.

Абена ахает от холода и дерзости. Она берет руку Лукасиною и обсасывает остатки крема с его пальцев.

– И что же я теперь буду есть? – спрашивает Лукасиною, и Абена издает низкий, грязный смешок, а потом ерзает, предлагая ему свои груди. В ее горле слышится тихое рычание, когда он облизывает ее соски.

– Анахата, манипура, свадхиштхана, – говорит Абена. Она нежно, твердо кладет руку Лукасиною на затылок и направляет его меж своих открывающихся бедер. – Муладхара. Оставь место для добавки.

Он ждал за дверью, серебристый от мелкого дождя из системы орошения вертикального сада, пятнадцать минут. Вода конденсировалась и капала с коробки с тортом, которую он держал в руках. Вода окропляла и заставляла опуститься его высоко взбитую челку. Вода увлажняла его костюм от «Иссэй Миякэ» и пробиралась в складки. Вода бежала с каждого серебристого украшения, которое он продел сквозь отверстия в коже. Когда открылась дверь, за ней была Абена.

– Лучше входи, пока не подхватил что-нибудь.

Ему почудилось или она прятала улыбку?

Абена попыталась проигнорировать торт, который он положил на шезлонг рядом с собой.

Он попытался не заметить, что все ее товарищи по коллоквиуму исчезли.

– Я сделал тебе торт.

– По-твоему, это ответ на все вопросы? Ты просто идешь делаешь торт и все становится правильным?

– В большинстве случаев.

– Почему ты трахался с Аделаей Оладеле?

– Я с ним не трахался.

– Вы с ним занимались онанизмом...

– Доведением до оргазма....

– Ну да, он классно доводит до оргазма. Все так говорят.

– Легенда. Мне сказали, такое нельзя пропустить. И по-скольку ты...

– Я – что?

– Ну, ты все время занята...

– Не пытайся. Переводить стрелки. На меня. Не смей. Даже заикаться. Что ты занимался сексом с Аделайей Оладеле, потому что я работала.

– Ладно. Но мы договорились. И ты согласилась. Никаких ограничений. Мы можем встречаться с другими людьми.

– Потому что ты на этом настоял.

– Я такой. Ты знала об этом прежде, чем мы сошлись.

– Ты бы мог спросить, – сказала Абена. – Не возражаю ли я, чтобы ты устроил встречу с Аде. Я, может быть, захотела бы посмотреть. Парень с парнем, ну, ты понимаешь.

Лукасиною так и не смог перестать удивляться тому, как его могла удивить Абена. Вечеринка в честь Лунного бега, прямо перед попыткой покушения на Рафу, когда она поместила особое пирсинг-украшение в мочку его уха и насладилась вкусом его крови. Свадьба, когда он воспользовался силой, сокрытой в том пирсинге, и предпочел защиту Асамоа браку с Денни Маккензи: Абена ждала его за герметичным стеклом на станции Тве. Когда пал Боа-Виста, она без колебаний надела скафандр и вышла с ним к поджидавшему кораблю ВТО, и весь полет держала его за руку. Она спустилась в лишенный света, пустой ад, который был когда-то его

домом.

Она была героиней, богиней, звездой. Он – дураком, который пек торты.

– Можно скинуть с себя эти мокрые вещи?

– Пока нет. И еще долго будет нельзя, сеньор. Знаю я тебя. Раз сверкнешь прессом и думаешь, что прощен. Но, возможно, я съем кусочек торта.

Лукасиною открыл коробку.

– Это ягодный торт со взбитыми сливками.

– С какими ягодами?

– Я знаю это слово только на португальском.

– Скажи его.

Он сказал. Абена закрыла глаза от удовольствия. Ей нравилась музыкальность португальского, на котором говорили Корта.

– Клубника. Мне в самом деле нравится клубника. Определенно, я хочу кусочек твоего клубничного торта.

– Со сливками.

– Не наглей, Лукасиною.

В кухонном пространстве – оно было намного больше того, что у тиа Лусики, но оказалось намного хуже оснащенным – он нарезал торт на кусочки, надеясь, что они достаточно маленькие, и приготовил мятный чай.

– Ты дрожишь?

Лукасиною кивает. От дождя он продрог до костей.

– Давай снимем с тебя эти мокрые вещи.

Тогда-то ему и пришла в голову отличная идея со взбитыми сливками.

* * *

После торта, игры и примирительного секса Абена улеглась в обнимку с Лукасиною, своим теплом изгоняя последние остатки холода из его костей. Ее холодное отсутствие его будит.

Она забрала торт с собой.

Лукасиною находит Абену сидящей со скрещенными ногами на полу общей комнаты, ссутулившейся от сосредоточенности. Она натянула мешковатую майку и шортики, собрала и подвязала волосы зеленой тканой лентой. Лукасиною подмечает, насколько чиста и сильна ее концентрация. Если бы он позволил Цзиньцзи соединиться с ее фамильяром, то увидел бы комнату, полной призраков и политиков – ее форум. Она объясняла, в чем суть: это группа увлеченных людей, которые изучают новые варианты будущего для всех. Лукасиною не может думать о вариантах будущего. Его собственное будущее с того места, где он есть, выглядит со всех сторон одинаковым и блеклым, как Море Спокойствия. Каждый час, который Абена проводит за пределами коллоквиума, она как будто безмолвно разговаривает со своими политическими друзьями. Разные вещи происходят, говорит она Лукасиною; там, на Земле.

Корта не занимаются политикой. Они однажды попытались. Это их убило.

Он кладет одну ладонь между лопатками Абены, другую – ей на поясницу, и выпрямляет ее спину. Абена вскрикивает от неожиданности.

– У тебя осанка хуже не придумаешь.

– Лука...

Он любит, когда она называет его этим самым интимным семейным именем.

– Возвращайся в постель.

– Все еще продолжается.

– «Горнило».

– Число погибших достигло ста восьмидесяти восьми. Роберт Маккензи и Джейд Сунь пропали без вести.

– Они сгорели. Я рад.

– Форумы безумствуют. Рынки свихнулись. Я отслеживаю панические закупки на рынках гелия. – Тут Абена осознает, что сказал Лукасиною. – Ты рад? Люди умерли, Лука.

– Они устроили Рафе разгерметизацию. Они подвесили Карлиньоса за пятки. Они сломали Ариэль спину. Вагнер в бегах, а про моего отца никто не знает, жив он или мертв. Они послали за мной рубак. Ты это помнишь? Они сгорели. Не могу я об этом сожалеть. Ты видела Боа-Виста. Ты видела там Рафу.

– Он в безопасности.

Лукасиною трясет головой от внезапного скачка, пере-

прыгивает через эмоциональную расщелину во вселенной.

– Что? Кто?

– Твой кузен. Робсон.

– Робсон в Царице Южной.

– Робсон был на вечеринке Роберта Маккензи. Он в безопасности, Лука. Но ты об этом не знал.

Лукасиню снова оседает на шезлонг. Абена отключается от своего форума.

– Лука, он твоя семья.

Это старый разговор, борозды его глубоки, эмоциональные повороты – хорошо обозначены.

– По-твоему, я этого не знаю? По-твоему, я не хотел помешать Брайсу Маккензи его забрать? Я не смог этого сделать. Мне девятнадцать лет. Я наследник. Последний Корта. Я даже не смог сделать так, чтобы Робсон остался со мной. Я не смог его уберечь.

– Лука, ты не юрист.

– Аби, заткнись. Ты всегда права. Все вы, Асамоа, вы всегда правы, мудры, и у вас на все есть ответ: тра-ля-ля. Заткнись и слушай меня. Мне страшно. Когда Маккензи начнут искать, на кого бы свалить вину, на кого они посмотрят первым делом? На Корта. Мне все время страшно, Аби. Та встреча с Аделаейей, она была не ради секса. Она была ради трех часов без страха. Ты знаешь, каково это – все время бояться?

Абена понимает, что она обитает в мире, где все можно

потрогать и изменить, где ее слова и мысли имеют силу и власть. Лукасинью живет в мире, за который несет ответственность, но который бессилён изменить, и на него возложена вина за вещи, которых он не делал. Расстояние будет увеличиваться и в конце концов приведет к разрыву между ними. Абена видит это четко. Еще она видит искалеченного, уязвимого мальчика, испытавшего то, что за пределами ее воображения. Мальчика, которому она не может помочь, и потому понимает его, ибо в этом она также ответственна и бессильна.

Абена обнимает Лукасинью.

Такими Афи их и находит, когда неуверенной после коктейля походкой приходит искать очищающий чай. Обнаруживается кое-что получше: торт. Она отрезает себе ломтик. Должно быть, парнишка сделал. Они милы рядом на шезлонге, спящие в обнимку. Он такой хорошенький в самоуверенной бразильской манере, но сама Афи ни за что бы не вкладывала силы в нечто до такой степени поврежденное.

А вот торт вышел на славу.

* * *

Штатный миксолог «Маккензи Металз» создал памятный коктейль. Старомодная водка промышленного производства, сироп гибискуса, лайм, веточки австралийской акации и шарик геля, ароматизированного корицей и миртом,

постепенно расправляющего в розовом оранжевые щупальца. Все это служит напоминанием об эпохальной жизни Роберта Маккензи в стакане. Официанты с полными подносами притаились у дверей и вкладывают коктейли в руки.

— А это что?

— «Рыжий пес», мэм.

Леди Сунь берет коктейль, нюхает, делает глоток и передает его человеку из своей свиты. Безвкусица во всем, от бокала до смеси и имени. Как и все у Маккензи. Один из охранников наливает стаканчик ее личного джина. Набравшись сил, она с гордым видом входит в гостиную, чтобы присоединиться к поминкам.

Мавзолей ее удивил. Никто из Маккензи ранее не демонстрировал религиозных побуждений, но в сердце Кингскорта, старого дворца в Царице Южной, таится маленький храм: чистая белая комната, безупречный куб с ребром три метра. Дункан вошел туда один, а потом пригласил родственников и гостей, чтобы каждый отдал последнюю дань усопшему. Любопытство подстегнуло Леди Сунь войти. Комната была маленькой, совершенно белой, помещалось в ней самое большее три человека. Белые стены покрывали цветные диски диаметром десять сантиметров. Леди Сунь оказалась внутри помещения, разукрашенного в горошек. Каждый диск был фамильяром усопшего Маккензи, замороженным в керамической схеме. Тело перерабатывали, электронная душа продолжала жить. Здесь был Роберт Маккензи, кровавый диск

в центре дальней стены. Рыжий Пес был его фамильяром, припомнила Леди Сунь. Она коснулась Рыжего Пса, ожидая ощутить вибрацию данных, эхо издавна горевшего гнева и амбиций. Но это был диск из легированного стекла, чья текстура наощупь напоминала бархат – и больше она ничего не почувствовала.

После погребения важное событие: прием. Леди Сунь составила план бесед, пока ехала в автомотрисе из Дворца Вечного света. Порядок целования щек – важная вещь.

Первый в очереди – Евгений Воронцов в сопровождении дочерей. Кости у них хорошие, но все равно они тупые плоды близкородственных браков. Слишком много радиации вплетено в их ДНК.

– Евгений Григорьевич.

Генеральный директор «ВТО-Луна» – необычайно массивный мужчина с длинными волосами, густой бородой, безупречно одетый и ухоженный. Леди Сунь в особенности восхищена камчатной тканью его рубашки. В его руке стакан чистой водки. Онижимают руки. Осведомители шепчут Леди Сунь, что его проблема с алкоголем – хроническая и что руководство ВТО перешло к более молодому и жесткому поколению. Не столько перешло, сколько поколение перетянуло руководство на себя.

– Леди Сунь. Сожалею о вашей потере.

– Благодарю. Похоже, эта трагедия не обошла ни один дом.

– Нам всем доводилось нести утраты, Леди Сунь.

Джейд Сунь была делом всей жизни – десятилетия аккуратного маневрирования и манипуляций пошли прахом, стоило на них упасть лучу полыхающего солнца. Джейд была отточенным оружием: у Аманды никогда не было остроты, изысканности и терпения, какими обладала ее старшая сестра. Лукас Корта обставил Аманду Сунь по всем параметрам. Надо было выдать Аманду за Рафу, пусть и третьей око, но Трое Благородных настояли, что однажды Лукас Корта возглавит «Корта Элиу».

– Мрачные времена, Евгений.

Евгений Григорьевич Воронцов понимает намек на окончание разговора с первого раза.

Теперь к Лусике Асамоа, элегантной и убийственно-красивой в платье от «Клод Монтана». Политика АКА непостижима для Леди Сунь, но она понимает, что Лусика в настоящее время является омахене Котоко, то есть некоего совета, и этот пост передается всем членам Котоко по очереди, и эти члены постоянно сменяются. Это кажется Леди Сунь жутко скрупулезным и неэффективным. Асамоа хранят секреты, принадлежащие всем остальным. Это все, что хочет знать Леди Сунь.

– Яа Доку Нана. – Фамильяр сообщает, что так полагается обращаться к омахене.

– Леди Сунь.

Они говорят о семьях, о детях и внуках и о том, как уна

делает каждое последующее поколение более странным, чем предыдущее.

– Твоя дочь в Тве, – говорит Леди Сунь.

– Луна, да. Со своей мадриньей.

– Никогда я не понимала эту традицию Корта, не говоря уже о том, зачем ты ее оптом импортировала в Тве. Прости меня, я старая женщина и потому прямолинейна.

– Она к этому привыкла.

– Видимо, да. Я понимаю, сколько пользы от материнского долга, когда ты так редко бываешь в Тве, после того как заняла Золотой Трон. Скажи мне, что ты чувствуешь по этому поводу? Ты зачала дитя, а другая женщина его выносила, родила и выкормила.

Леди Сунь замечает намек на раздражение на безупречно сдержанном и безупречно загримированном лице Лусики Асамоа и наслаждается маленькой каплей крови, которую сумела пустить. Асамоа хранят секреты, я их выведываю. Когда-нибудь, если нужда заставит – а такое может и не случиться, – она засунет клин в эту маленькую рану и использует его, чтобы разбить Лусику Асамоа на части.

Леди Сунь мало-помалу подводит Лусику Асамоа к краю пространства, занятого Брайсом Маккензи, и без усилий переходит с одной социальной орбиты на другую. Леди Сунь не ощущала физическое присутствие Брайса Маккензи вот уже много лет и едва сдерживает отвращение. Он ужасен. Непристойен. Она может выносить его соседство, лишь убеж-

дая себя в том, что его габариты – некая извращенная форма боди-арта. Сегодня с ним только два катамита¹¹. Ухоженные мальчишки. Тот, что выше ростом, вроде как уже слишком взрослый.

– Брайс. – Она кладет руки поверх его рук. Радует, что надела перчатки. – Нет слов. Просто нет слов. Ужасная, ужасная потеря.

– Как и ваша.

– Спасибо. Я все еще не до конца верю, что была там – мы оба были. Трагедия – и зверство. Это дело чьих-то рук. Не несчастный случай.

– Наши инженеры заняты расследованием. Физические улики добыть тяжело, а ВТО хочет как можно скорее заново открыть Первую Экваториальную.

– Но «Маккензи Металз» продолжается. Так было всегда. Мы были первыми, я и твой отец. Вы наконец-то заполучили гелиевый бизнес. Не мое это дело, давать советы мужчине о том, как ему руководить своей компанией, но иногда быстрое, авторитетное заявление успокаивает взволнованный рынок. Пока не прояснится вопрос с завещанием вашего отца.

– Дела Маккензи – это дела Маккензи, Леди Сунь.

– Разумеется, Брайс. Но, ради старой привязанности между нашими семьями, не будь чужаком во Дворце Вечного

¹¹ *Катамит* – мальчик-подросток, сожительствующий с более взрослым мужчиной.

света.

– Дворец Вечного света, – повторяет Брайс. – Это туда вы забрали Дариуса?

– Да, и там он останется, – говорит Леди Сунь. – Я не допущу, чтобы мальчик кончил как еще один из твоих щеночков. – Приемные сыновья Брайса неловко переминаются с ноги на ногу. Их дежурные улыбки делаются напряженными.

– Он Маккензи, Леди Сунь.

– Дариус – прежде всего Сунь и всегда будет Сунем. Но ведь мы могли бы с готовностью предложить какой-нибудь выкуп?

Брайс кивает, изображая легчайший намек на поклон, и Леди Сунь переходит к своей последней жертве. Дункан Маккензи прислонился к балконному ограждению, на перилах балансирует его бокал с «Рыжим псом». Башни Царицы Южной пестрят флагами и знаменами, стягами и аэростатами, мифическими животными: приготовления к великому празднеству Чжунцю. В хаосе Железного Ливня и его последствий Леди Сунь забыла про праздник. Во Дворце Вечного света лазеры будут соревноваться на традиционном Фестивале лунных пирогов, соревновании ледяных скульптур.

– Я всегда завидовала вашему Кингскорту, – говорит Леди Сунь. – Мы позволили твоему отцу заполучить центральный участок. Надо было мне сражаться лучше.

– Со всем уважением, Леди Сунь, что моему отцу требовалось, то он и брал.

Она помнит, как Роберт Маккензи стоял на этом самом каменном полу и заявлял, что здесь создаст свою штаб-квартиру. Лавовую полость еще даже не загерметизировали, чтобы создать атмосферу, когда он привез сюда строителей и начал возводить первые уровни Кингскорта. Царица Южная была самым подходящим местом, чтобы пустить корни на Луне – лавовая полость пяти километров длиной и трех в высоту, близкая ко льду в кратере Шеклтон, – но Маккензи быстро переехали в Хэдди, где построили свою первую плавильню, а потом настал черед безумно амбициозного «Горнила», вечно циркулирующего под ударами солнечного молота. Кингскорт остался утробой Маккензи, где дети рождались и взращивались, изобретались династии. На протяжении десятилетий Леди Сунь наблюдала за тем, как это место растет, стремясь к потолку, и вот теперь оно превратилось в центральный хребет леса, целого кафедрального собора из колонн.

– Прости, Дункан.

Дункан Маккензи, как всегда, одет в серое, и его фамильяр Эсперанса тоже серого цвета, но для Леди Сунь это выглядит не как оттенок цвета, а как обесцвеченная душа, зачерствевший дух.

– Роберт Маккензи. – Дункан ставит бокал на перила. – Я не могу поднять бокал этой мочи в память об отце.

Через фамильяра Леди Сунь вызывает телохранительницу. Молодая женщина достает два маленьких стаканчика.

Леди Сунь вытаскивает флягу из сумочки.

– Это, я думаю, подойдет.

Они чокаются запотевшими стаканчиками и выпивают джин залпом.

– Я вижу, даже посреди бедствия у «Маккензи Металз» речь идет, как всегда, о бизнесе. Твой отец гордился бы. Брайс стабилизирует ценовые колебания на земных рынках гелия-3. Очень ловко. Пройдет некоторое время, прежде чем подразделение редкоземельных металлов снова наладит производство. Делать деньги на гелии – умно.

– Брайс как глава финансового отдела всегда действовал на опережение, – говорит Дункан. Леди Сунь заново наполняет стаканчики.

– Сильная рука на руле. Любая рука на руле. Землянам это нравится. Они думают, мы сборище анархистов, преступников и социопатов. Рынки и впрямь весьма ненавидят неопределенность. А вопрос с наследованием не решен. Мы слишком хорошо знаем, как медленно вращаются колеса лунного правосудия. – Она вручает Дункану второй стаканчик с чистымджином.

– Я наследник «Маккензи Металз».

– Ну разумеется, ты. Вопрос не в этом. – Леди Сунь поднимает стаканчик. – Вопрос в том, кто главный, Дункан? Ты или твой брат?

* * *

Леди Сунь возвращается в гостиную, где идет прием. Там приветствие, здесь – комплимент, оскорбительное замечание или вздох. Выдержав приемлемую паузу, она неспешно подходит к Сунь Чжюаню.

– Ты довольна, найнай?

– Конечно, нет. Это место провоняло лаоваями.

– Выпивка отвратительная.

– Никуда не годится. – Леди Сунь наклоняется ближе к своему суньцзы. – Я установила фитиль. Теперь ты поднесешь огонь.

* * *

Маккензи из Кингскорта будут праздновать в этой гостиной. Пиньяты, наполненные подарками, свисают с потолка. Бар подготовлен. Вот здесь сцена для музыкантов. Через несколько дней наступит Чжунцю, и девушки в пышных коротких юбках, парни в пиджаках с подплечниками, асексуалы в элегантных нарядах будут пить-танцевать-кайфовать-тискаться в этой комнате. В ближайшие дни Маккензи съедутся со всей Луны, отдадут последнюю дань усопшему и отправятся в бар. Воспоминания быстротечны. Пусть

мертвые хоронят своих мертвецов.

Теперь Брайс Маккензи интригует. Он вызвал четверых администраторов «Маккензи Металз». У них есть сила, опыт, власть. Все мужчины. Двадцатью уровнями ниже в здании мемориала Роберта Маккензи пошло на очередной виток представление, сочетающее уважение и лицемерие.

– Вы здесь потому, что я знаю вас и доверяю вам, – говорит Брайс Маккензи. – У меня есть надежные предложения по поводу нашего резерва гелия-3 в L5. – Брайс кое-что припрятал в гравитационном лимбе точки Лагранжа L5, чтобы застраховаться от ценовых колебаний.

– Сколько? – спрашивает Альфонсо Перес-Трехо, финансовый директор «Маккензи Фьюзибл».

– Все.

– Это приведет к падению цен, – предупреждает Альфонсо Перес-Трехо.

– На это я и надеюсь, – отвечает Брайс Маккензи. – Я не хочу, чтобы земная добыча гелия-3 была выгодной. Мы не в той форме, чтобы участвовать в конкуренции. Выпуск по-прежнему составляет всего лишь тридцать процентов.

– Моря Изобилия, Кризисов и Змеи все еще непродуктивны, – подтверждает Хайме Эрнандес-Маккензи. Он начальник отдела эксплуатации «Маккензи Металз», джакару-ветеран с легкими, которые после десятилетий лунной пыли наполовину обратились в камень. Редкоземельные металлы, гелий, органика, вода; он может взять луну в ладони и из-

влекать из нее прибыль. — Давняя вотчина «Корта Элиу». Там есть признаки саботажа. Бразильцы, они мстительные.

— Тогда я хочу, чтобы Жуан-ди-Деус приструнили, — говорит Брайс Маккензи. — Чего бы это ни стоило. Я хочу, чтобы «Маккензи Гелиум» заработала в полную мощь через два месяца.

— «Маккензи Гелиум»? — переспрашивает Роуэн Сольвейг-Маккензи. Он главный аналитик «Маккензи Металз»; молодой, умный и амбициозный; образец капиталистических добродетелей.

— Мой отец мертв, — говорит Брайс Маккензи. — «Маккензи Металз» — та компания, которую построил мой отец, и которую мы знали, — мертва. Век семейных корпораций завершился. С металлами покончено. Теперь мы гелиевая компания.

— Выходит, с наследованием все решено, — сухо замечает Роуэн Сольвейг-Маккензи.

— Если будем ждать адвокатов, этой компании кранты, — отвечает Брайс.

— Со всем уважением, но если вопрос с наследованием не решен, мы не можем выделять дополнительное финансирование, — говорит Дембо Амаечи. Он глава корпоративной безопасности; молчун, который до сих пор не сказал ни слова. — Нет лица, которое обладает полномочиями заключать сделки.

— У меня есть финансы, — говорит Брайс. — Сунь Чжиюань

со мной уже поговорил.

– Чужие деньги, – хмурится Хайме.

– Брайс, ваш отец никогда... – начинает Дембо.

– И уж тем более от Суней, – подхватывает Роуэн.

– На хрен моего отца, – взрывается Брайс. От сильного душевного волнения он весь трясется. – «МГ». «Маккензи Гелиум». Вы со мной или нет?

– Прежде чем мы начнем оформлять контракты, – говорит Дембо Амаечи, – у меня есть информация относительно неисправности зеркал.

Никто не упускает из вида интонацию, с которой он произносит слово «неисправность».

– Нас взломали, – говорит Дембо.

– Ясное дело, – отвечает Брайс Маккензи.

– Это был умный код. Он стал частью нашей операционной системы, замаскировался, прячась от нашей безопасности, он обновлялся одновременно с нами.

– И вы хотите лечь в постель с Сунями? – кричит Хайме на Брайса. – Да тут везде написано: «Тайян».

– Вот что странно, – продолжает Дембо. – Этот код был внутри нашей системы очень долго. Сидел. Ждал.

– Как долго? – спрашивает Брайс Маккензи.

– Тридцать – тридцать пять лет.

– Восточный Океан Бурь, – шепчет Брайс Маккензи.

Брайсу было восемь, когда Корта нанесли удар по «Горнилу». Дункан вырос среди жара и уродливости Хэдли, Брайс –

среди интриг и политиканства Кингскорта. Политика Роберта Маккензи заключалась в том, чтобы держать наследников отдельно друг от друга. Никакая катастрофа не могла обезглавить «Маккензи Металз». Как-то раз его мать Алисса сказала: «Все готово. Мы переезжаем в новый дом». Поездка на поезде из Царицы была долгой, потом из Меридиана – еще дольше, но когда мать позвала его к окну автомотрисы, он увидел на горизонте горящую звезду и ощутил нечто, что до сих пор не испытывал. Благоговение и страх. Его семья – его отец – смог зацепить крюком звезду в небесах и прикопать к Луне. Это была сила, превосходящая то, о чем мог помыслить восьмилетний мальчик. Он пялился на ряды зеркал, полных пойманного солнца. Все было новым, свеженапечатанным, пахло пластиком и органикой. Это было как запах нового ровера, только вот новым был целый город. «Я буду здесь жить, в величайшей машине во вселенной».

А потом Корта ударили, подорвали рельсы перед поездом и позади него. Брайс смотрел, как солнце садится, опускаясь в горнило вечного света, и его охватили два новых чувства: оскорбление и унижение. Корта испортили чистоту и красоту, которых даже не понимали. Они никогда бы не достигли такой силы и чуда и потому из мелочности и зависти нанесли удар. В отличие от брата, Брайс не знал, как выглядит мир, свободный от тени Корта. В отличие от брата, Брайс был нескладным мальчиком, страдал диспраксией и плохо координировал движения, не преуспевал в видах спорта, ко-

которые обожали его отец и дядя, но с ранних дней в растущем шпиле Кингскорта с интересом изучал семейный бизнес. К семи годам он понял принципы добычи редкоземельных металлов, их очистки и продажи. «Горнило» было продолжением его, третьей рукой. От того, что поезд посрамлен, Брайс ощущал физическую боль.

Тридцать пять лет код прятался внутри ИИ «Горнила», рос, приспособливался и расширялся.

– Первые находки показывают, что его задействовали дистанционно, – говорит Дембо.

– Это Корта, – говорит Брайс Маккензи. – Надо было уничтожить их до последнего ребенка.

– Мы бизнесмены, не рубаки, – возражает Роуэн. – От Корта осталось трое детей, один так называемый волк-оборотень и адвокатесса, вышедшая в тираж. Итак, Корта уничтожили наш дом. Мы поступим лучше: заберем их машины, их рынки, их город, их людей, все, чем они владели и чем дорожили, и через пять лет никто даже не вспомнит имя Корта. Как там говорил ваш отец, Брайс? «Монополия – ужасная штука».

– Пока она не становится твоей, – отвечает Брайс.

* * *

Робсон просыпается с криком. Его лицо, что-то накрыло его лицо, он не может поднять руки, чтобы спихнуть это с

себя. Тяжелые, неподатливые поверхности со всех сторон. И тук-тук-тук, тук-тук-тук. Он мертв, он в бункере. Ждет пере-работки. Тук-тук-тук – это заббалины, тащат его гроб по полу, и тот постукивает в местах сочленений. Они ножами сре-жут все полезное; потом боты подвешат его в печи для сушки и извлекут воду до последней капли, высосут ртами-трубками. Затем возьмут кожу и все, что осталось, и бросят в дробилку. И он не может пошевелиться – не может говорить, – ничего не может сделать, чтобы остановить их.

– Робсон.

Свет. Робсон моргает. Теперь он понимает, где находится: в капсуле для сна в спальном отделении ВТО Лансберг.

– Робсон. – Лицо на свету. Хоан. – Все хорошо, Робсон. Это я. Двигаться можешь? Тебе надо вставать.

Робсон хватается за рукояти и выталкивает себя из капсулы. Стены спального отделения покрыты капсулами, лестницами, тросами. Горячие постели и спальные отсеки, теплые, с запахами тел.

– Который час? – Робсон все еще чувствует себя тупым из-за навязчивого кошмара.

– Четыре, – говорит Хоан. – Это не имеет значения. Робсон, нам пора.

– Что?

– Нам надо идти. Брайс думает, твоя родня уничтожила «Горнило».

– Моя родня что?

Хоан ныряет в капсулу и вытаскивает из сетчатой полки скомканную и помятую одежду. Робсоновский костюм от «Марко Карлотты».

– Одевайся. Солнечные печи взломали. Выглядит как код «Корта Элиу».

Робсон натягивает костюм. Воняет почти так же, как и он сам. Он ныряет в капсулу и прячет половину колоды карт в карман, который ближе всего к сердцу.

– Код Корта?

– Времени нет. – Хоан касается указательным пальцем лба. «Отключаем фамильяров». – Идем.

На станции Лансберг не протолкнуться из-за людей и багажа. Прокладчики путей из Меридиана и Царицы и работники огромного сортировочного терминала ВТО в Святой Ольге меняются поездами с выжившими во время Железного Ливня.

– Я забронировал тебе билет до Меридиана, но ты там не сойдешь, – говорит Хоан, направляя Робсона к шлюзам. – Ты сойдешь в Земмеринге. Местечко ВТО, как и это. Там тебя встретят.

– Почему не Меридиан?

– Потому что Брайс направит рубак встречать каждый поезд.

Робсон останавливается как вкопанный.

– Брайс не может меня убить. Я Маккензи.

– Для Брайса ты ближайший Корта. И он тебя не убьет.

По крайней мере пока не насладится сполна. Ты захочешь умереть задолго до того. Идем со мной.

Хоан протягивает руку. Королевы путей ВТО неуклюже топают мимо, их пов-скафы спрятаны в тяжелых рюкзаках, шлемы под мышкой.

– В последний раз, когда я сбежал от Брайса... – говорит Робсон.

Он не видел, как умерла его мать. «Не смотри назад, – сказала она. – Что бы ни случилось, не смотри назад». Он был хорошим сыном и потому не увидел бота, лезвий, которые подрезали сухожилия его матери, сверла, которые с завыванием пробивали щиток ее шлема. «Запускай, Камени. Забери его отсюда». Ее последние слова. И все же он не обернулся. Капсула БАЛТРАНа закрылась, он схватился за ремни, а потом ускорение размазало в его теле кровь до последней капли. У него потемнело в глазах. Невесомость. Он боролся с тошнотой. Тебя вырвет в шлем в невесомости – и ты труп. Потом торможение, такое же жестокое, как и запуск. Все повторилось. И опять. И опять. Робсон радовался шоку, боли, тошноте и необходимости ее сдерживать, поскольку все это маскировало истину: она умерла. Его мама умерла.

– Держись ближе, Робсон. – Хоан проталкивается через толпу из погрузочных шлюзов и пробирается к ним. Объявление, едва различимое за ревом толпы. Чего-то там тридцать семь. Сил не жалеть. Не жалеть сил.

– А как же ты? – спрашивает Робсон Хоана.

– Я поеду другим поездом.

Хоан обнимает Робсона, и чувства его велики, словно небо. Щека к щеке.

– Ты плачешь, – говорит Робсон.

– Да. Я тебя всегда любил, Робсон Корта.

Потом Хоан заталкивает Робсона в шлюз.

– Кто меня встретит? – кричит ему Робсон, пока шлюзовая камера подключается к поезду.

– Твой дядя! – вопит в ответ Хоан. – Волк!

3: Овен 2103 – Близнецы 2105

Бот-уборщик нашел его лежащим без сознания в коридоре наружного кольца – того, что с земной гравитацией, – в трех метрах от двери лифта.

– Еще пять минут – и вы бы задохнулись под весом собственного тела, – сказала доктор Воликова, сопровождавшая носилки с Лукасом Кортой через среднее кольцо с половинной гравитацией к лунным уровням.

– Мне нужно было это ощутить.

– И как ощущения?

Как будто каждая мышца ослабела и начала плавиться. Каждый сустав наполнился стеклянной крошкой. Пустоты внутри каждой кости залили расплавленным свинцом. Каждый вдох был железом в каменных легких. Каждый удар сердца порождал вспышку пламени. Он опустился на лифте в колодец боли. Он едва сумел оторвать руки от поручней. Двери открылись, и он увидел плавный изгиб гравитационного кольца. Холм агонии. Ему пришлось выйти. На втором шаге он почувствовал, как бедра подворачиваются. Пятый – и колени подогнулись, не в силах удерживать его. Центробежная сила тяжести пришила его к колесу и стала ломать вдох за вдохом. Гравитация оказалась суровой хозяйкой. Гравитация никогда не ослабевала, не останавливалась, не уступала. Он попытался подняться с пола. Почувствовал,

как кровь приливает к рукам, к лицу, как опухает щека, прижатая к полу.

– Мы говорили о теориях, – сказал Лукас Корта, когда его носилки соединились с ИИ. Развернулись диагностические «руки». – Я хочу поговорить о практике. Я практичный человек. Вы сказали, для подготовки к земным условиям понадобятся четырнадцать месяцев. Через четырнадцать месяцев я отправлюсь в челноке на Землю. Билет забронирован. Через четырнадцать месяцев, доктор, я буду на том корабле, с вами или без вас.

– Не шантажируйте меня, Лукас.

Назвала по имени. Маленькая победа.

– Я уже это делаю, доктор. Вы выдающийся эксперт по микрогравитационной медицине. Если вы говорите, что это гипотетически возможно, значит, физически это возможно, Галина Ивановна. – Лукас запомнил имя и отчество доктора ровно тогда, когда она назвалась его личным врачом, стоя у изножья кровати.

– Не надо мне льстить, – сказала доктор Воликова. – Вы физиологически отличаетесь от земного человека в тысяче разных смыслов. Фактически вы инопланетянин.

– Мне нужно провести на Земле три месяца. Четыре было бы лучше. Дайте мне схему тренировок, и я буду добросовестно ее соблюдать. Я должен туда отправиться, Галина Ивановна. С чего вдруг кому-то соглашаться помочь мне вернуть компанию, если я сам не готов на жертвы?

– Это будет труднее всего, что вы предпринимали до сих пор.

«Труднее, чем смерть моих братьев, уничтожение моего города и разгром моей семьи?» – подумал Лукас Корта.

– Не могу обещать успех, – прибавила доктор Воликова.

– Я об этом и не прошу. За это я сам отвечаю. Вы мне поможете, Галина Ивановна?

– Помогу.

Диагностические «руки» койки приблизились к шее и рукам Лукаса. Он медленно поднял собственные свинцовые конечности, чтобы их отогнать, но манипуляторы были проворными, а боль от уколов – быстрой, острой и чистой.

– Что это было?

– Еще одно профессиональное злоупотребление, – сказала доктор Воликова, считывая физиологические параметры Лукаса с линзы. – Кое-что, чтобы вас взбодрить. Вам назначена встреча.

Жгучий свет хлынул по артериям Лукаса Корта в мозг. Он вскочил с постели, как будто она ударила его током. Его ступни ударились о палубу. Он не чувствовал боли. Совсем не чувствовал.

– Мне нужно напечатать костюм, – объявил Лукас Корта.

– Вы одеты должным образом, – заверила доктор Воликова.

– Шорты и майка, – констатировал Лукас с вялым пренебрежением.

– Вы будете одеты лучше того, кто вас примет. У Валерия Воронцова мода вызывает идиосинкразию.

* * *

«Вам они понадобятся, – сказали работники лифта. – Практикуйтесь. Это не так легко, как кажется».

Лукас Корта натянул перепончатые носки и перчатки. Потрогал воздух, ступил по воздуху. Воронцовы. Эта их вечная насмешка над неумелостью и неспособностью людей, запертых в ловушке миров. Лукаса достало быть неумелым. Он бросился из лифта в хаб. Даже лунные мышцы ног были слишком сильными для незначительной силы тяжести в центре корабля. Лукас раскинул руки, поймал воздух в перепонки, принялся грести в обратную сторону от направления полета. Он растопырил пальцы и расправил плавники, словно воздушный тормоз. Это было легко. Инстинктивно. Он остановился в центре цилиндра. Ось вращения корабля. Невесомость. Лукас медленно закружился, точно человек-звезда.

Он пинал и толкал воздух. Сдвинуться с места не удалось. Он конвульсивно извивался, как будто спазмы сами по себе могли выволить его из гравитационной ловушки. Со стороны двери лифта раздался смех. Он снова судорожно задергался. Ничего. Гибкие фигуры во флуоресцентных костюмах плавно нырнули к нему от дальнего шлюза. Две молодые женщины в тугих лётных комбинезонах, с аккуратно

спрятанными под сетки волосами подхватили Лукаса с двух сторон и резко остановились.

– Помощь нужна, сеньор Корта?

– Я справлюсь.

– Держите этот линь, сеньор Корта.

Женщина в розовом костюме прикрепила линь к рабочему поясу и рванулась прочь. Резкий толчок едва не вырвал линь из хватки Лукаса. Он двигался. Он летел. Он чувствовал воздух на лице, на волосах. Это было захватывающе. Вторая корабельная работница плыла рядом с ним. Он заметил у нее на поясе маленький пылесос.

В шлюзе, за которым располагалась личная каюта Валерия Воронцова, он поблагодарил девушек за увлекательную поездку.

– Следите за ветками, – таков был их единственный совет.

Каюта в сердце «Святых Петра и Павла», в которой Валерий Воронцов принимал гостей, была цилиндрическим лесом. Лукас плыл в туннеле из ветвей и листьев. Он не видел стен, так густо здесь все росло. Где-то там, наверное, прятались стволы и корни, аэропоники, которая поддерживала невесомости этот лес. Влажность, ноты растущего и гниющего были Лукасу знакомы – таков сокровенный запах Тве, – но нашлись и новые оттенки запахов, которые он узнал благодаря своим сделанным на заказ джинам: можжевельник, сосна, какие-то цветы и прочая растительность. Подсветка леса пряталась где-то глубоко, среди корней, но ветви украша-

ли тысячи биоламп. Звезды наверху, звезды по обе стороны, звезды внизу. Лукасу понадобилось несколько секунд, чтобы приспособиться к сумеречной среде, а потом он увидел, что лиственному покрову придали формы извивов и спиралей, гребней и волн. Древесный ландшафт. Время от времени одинокие шишковатые ветки поднимались над топиарием, точно вышколенные слуги, держа аккуратно выстриженный «плот» из листьев, словно подношение. Глаза Лукаса в полной мере привыкли к свету, и он увидел чью-то фигуру в центре леса-в-невесомости. Нечто мелькнуло, наполовину скрытое листьями, двигаясь медленно и осмотрительно.

Через центр цилиндра был натянут трос. Лукас подтащил себя к фигуре среди ветвей. Человек – нет, понял он, приближаясь: нечто, похожее на человека. То, что когда-то было человеком. Обращенный спиной к Лукасу, он усердно трудился над листвой с помощью ручных садовых ножниц, подрезая, отсекая, придавая форму. Его окружало гало хвойных обрезков. Лукас ощутил новый, неприятный запах, примешивающийся к смоле и листве: моча. Грибковые инфекции.

– Валерий Григорьевич.

Человекоподобное существо повернулось к тому, кто прервал его занятия. Жизнь в микрогравитации изменила его тело столь же уверенно и необратимо, как он изменил свой лес. Его ноги были скрюченными веретенами, лентами иссохших мышц. Грудная клетка по ширине и обхвату казалась героических пропорций, но Лукас видел по тому, как

она заполняла компрессионную рубашку, что нет в ней ни глубины, ни силы. Тонкий материал обтягивал ребра. Грудина была острой, как лезвие. Его руки были длинными, их оплетали сухожилия, похожие на провода. Огромная голова и человеческое лицо, пересаженное на шар из кожи. Фриз серебристых волос вокруг основания черепа лишь подчеркивал размеры. Двойная трубка тянулась из затылочных костей к парящей рядом помпе. Второй набор трубок выходил из колостомы на левом боку и шел к скопищу наполненных органикой мешков, которые вращались в невесомости.

Вот что полвека в микрогравитации делали с человеческим телом.

– Лукас Корта.

– Это честь для меня, сэр.

– Неужели? Неужели? – Валерий Воронцов снял с пояса для инструментов маленький пылесос и с накопленным за десятилетия мастерством собрал парящие древесные обрезки. – Я никогда не встречался с другими Драконами. Вы об этом знали?

– Я больше не Дракон, сэр.

– Наслышан. Это глупости, разумеется. Все дело в генах. Такое для меня внове. Как и для вас.

– Валерий Григорьевич, я должен спросить...

– О, придержите свои отвратительные вопросы. Знаю, чего вы хотите. Посмотрим, позволит ли вселенная вам это получить. Но в том-то все и дело, верно? Мы вечно задаем

вопросы о вселенной. Лукас Корта, вы когда-нибудь видели нечто подобное?

Валерий Воронцов взмахом ножниц указал на лес, озаренный звездным светом.

– Не думаю, что хоть кто-то видел, сэр.

– Не видел. Знаете, что это такое? Это вопрос, который я задал вселенной. Каким будет расти лес в небесах? Хороший вопрос. Вот ответ. Он растет, не останавливаясь, постоянно изменяется. Я работаю над ним, я изменяю его форму согласно своей воле. Это медленная скульптура. Она переживет меня. Мне это нравится. Мы создания, чересчур поглощенные собой. Считаем себя мерой всех вещей. Время отнимет у нас все, чем мы являемся, все, что мы имеем, все, что мы когда-нибудь построим. Хорошо мыслить в масштабах, превосходящих срок нашей жизни. Может, мой лес продержится миллион лет, а может быть, и миллиард. Может, в конце концов он погибнет в огне, когда взорвется солнце. Когда я умру, то, из чего я состою, перейдет в корни, ветви и листья. Я стану един с ним. Это меня весьма утешает.

Валерий Воронцов отцепил мусоросборник от пылесоса и толкнул его вдоль цилиндра. Заббалин-бот метнулся из листвы, чтобы схватить мусор и направить к шлюзу.

– Моя мать была сторонницей Сестринства Владык Сего Часа, – сказал Лукас. – Их миссия распланирована на десятилетия, даже на века.

– Я осведомлен о работе Сестринства. Вы не веруете, Лу-

кас Корта?

— Речь о сверхъестественной силе? Я не в состоянии в такое поверить.

— Хм. Я слышал, вы хотите отправиться на Землю. Это желание, не вопрос. Вселенная не обязана удовлетворять наши желания, но может ответить на хороший вопрос. Что вы хотите спросить?

— Как я могу вернуть то, что было украдено у моей семьи?

— Хм. — Валерий Воронцов отломал веточку, понюхал и протянул Лукасу. — Что вы об этом думаете? Настоящий можжевельник. Все, что вы нюхали до сих пор, — синтетика. Эти Асамоа, я знаю, на что они способны. Играются с ДНК. Меняют гены местами. Ребячество. Я создаю среду и позволяю жизни реагировать на нее. Я выращиваю настоящий можжевельник в самой искусственной среде, которую когда-либо создавало человечество. Нет-нет-нет, Лукас Корта, этот вопрос никуда не годится. Правильный вопрос таков: каким образом человек, рожденный на Луне, может отправиться на Землю и выжить?

— Доктор Воликова разрабатывает для меня схему тренировок.

— Если вход в плотные слои атмосферы вас не убьет. Если у вас не откажет сердце в акклиматизационном комплексе. Если вы не умрете от солнечного ожога. Если от миллиона аллергий не раздуетесь, как калоприемник. Если земная кишечная бактерия не вывернет вас наизнанку. Если грязный

воздух не разорвет ваши мягкие, маленькие легкие. Если вы сможете спать в гравитационной дыре без того, чтобы апноэ будило вас каждые пять минут, от одного ночного кошмара до другого.

– Прислушиваясь к «если», мы не стали бы Драконами, – сказал Лукас. Двое мужчин исподволь, неосознанно сориентировались так, чтобы парить лицом к лицу.

– Вы сами сказали, что больше не являетесь Драконом. На Земле будете чем-то еще меньшим. Луна – не государство. Луна – офшорный промышленный аванпост. У вас не будет ни документов, ни гражданства, ни удостоверения личности. В юридическом смысле вы не будете существовать. Вы не будете знать правила, обычаи, законы. Они будут к вам применяться, но вы не будете иметь представления о том, как они работают. Они подобны гравитации. Им подчиняются. С ними нельзя договориться. У вас не будет власти, чтобы договариваться.

Никто не будет знать, кто вы такой. Всем наплевать, что вы человек с Луны. Вы окажетесь там выродком, чудом на десять дней. Никто не станет вас уважать. Никто не примет всерьез. Никому от вас ничего не нужно. Никому не нужно то, что у вас есть. Вы разумный человек. Вы это придумали, еще когда были в капсуле. И все же я вижу вас здесь, с вашим планом и услугами, которые вам требуются от меня, и тем, что вы припасли – что бы это ни было, – что, по-вашему, может убедить меня оказать вам эти услуги.

Каждый контрдовод Валерия Воронцова был гвоздем, вбитым в палец, в ступню, в кисть, в колено и плечо. Унижение. Лукас Корта никогда не знал угрызений совести или раскаяния. Его доблестью была гордость. Гордость подергла эти гвозди и вырвала их из его тела. Боль была ничем по сравнению с тем, что он потерял.

– Не могу с вами спорить, Валерий Григорьевич. Мне нечего предложить и не о чем торговаться. Мне понадобится ваша поддержка, ваши корабли, ваша электромагнитная катапульта, и все, что я могу делать, – это разговаривать.

– Вселенная полна разговоров. Разговоров и водорода.

– Асамоа считает вас монстрами, порожденными близкородственными браками. Маккензи женятся на вас ради транспортных прав, но с помощью генной инженерии изгоняют вашу ДНК из своих детей. Моя собственная семья думала, что вы пьяные клоуны. Суни вовсе не считают вас людьми.

– Мы не нуждаемся в уважении.

– На уважение воздух не купишь. Я предлагаю кое-что более осязаемое.

– Да что вы можете предложить? Вы, Лукас Корта, потерявший бизнес, семью, богатство и имя?

– Империю.

– Давайте поговорим, Лукас Корта.

– От начала до конца? – спросила доктор Воликова.

– От начала до конца, – подтвердил Лукас Корта. Коридор перед ним круто изгибался. Потолок был низким, близким горизонтом. – Пройдите со мной.

Доктор Воликова предложила руку. Лукас ее оттолкнул.

– Вам не полагается еще даже на ногах стоять, Лукас.

– Я попросил пройти рядом со мной, а не под руку.

– От начала до конца.

– Я методичный человек, – сказал Лукас Корта. Даже в лунной силе тяжести внутреннего кольца при каждом шаге его пронзала мучительная боль от лодыжек до горла. – Воображение у меня развито очень слабо. Я должен действовать по плану. Ребенок сначала учится ходить, потом – бегать. Я пройду по лунному кольцу, я пробегу по лунному кольцу. Я пройду по промежуточному кольцу, я пробегу по промежуточному кольцу. Я пройду по земному кольцу, я пробегу по земному кольцу.

Лукас теперь ступал уверенно и целеустремленно. Доктор Воликова держалась чуть позади. Лукас заметил в ее глазах предательское мерцание. Она считывала данные с линзы.

– Мониторите меня, Галина Ивановна?

– Всегда, Лукас.

– И?

– Продолжайте идти.

Лукас спрятал улыбку, знак маленькой победы.

– Вы слушали тот плейлист? – спросил он.

– Слушала.

– И что думаете о нем?

– Эта музыка изысканнее, чем я думала.

– Вы не сказали, что она похожа на ту, которую включают в торговых центрах. Я полон надежд.

– Я слышу ностальгию, но саудади не совсем понимаю.

– Саудади – это больше, чем ностальгия. Это разновидность любви. Это утрата и радость. Сильная меланхолия и радость.

– Полагаю, вы хорошо в этом разбираетесь, Лукас.

– Можно испытывать саудади и по поводу чего-то в будущем.

– Вы никогда не сдаетесь, верно?

– Верно, Галина Ивановна.

Его суставы заработали лучше, боль ослабла, жесткие мышцы стали разрабатываться.

– У вас повысилось сердцебиение и кровяное давление, Лукас.

Он окинул взглядом изгибающийся коридор.

– Я собираюсь дойти до финиша.

– Ладно.

Еще одна маленькая победа.

Лукас остановился.

И снова вперед, вверх по изгибу мира. Легкие Лукаса были сжаты, дыхание затруднено, сердце болело, словно стиснутое в кулаке. Двадцать метров, десять метров, пять метров до двери в медцентр. Финишируй. Финишируй!

– Так принято, – пропыхтел Лукас. Он дышал с трудом и говорил отрывисто. Прислонившись к дверной перемычке, он посмотрел назад, на изгибающийся коридор. – Когда предлагают. Плейлист. – Он едва мог говорить. Сто метров в его родной лунной гравитации, и он цепляется за стены, еле дышит, все болит. Ущерб оказался больше, чем ему представлялось. Четырнадцать месяцев интенсивной тренировки выглядели непреодолимым препятствием. – Предложить плейлист. Собственный, взамен.

– Билл Эванс? – спросила доктор Воликова.

– И больше в таком же стиле. Кажется, это называется модальный джаз. Возьмите меня под опеку. Устройте мне путешествие по стране джаза. Мне нужно что-то, чтобы справиться с тренировкой.

* * *

Он проснулся в капсуле, щелчком включил свет. Скрип идребезжание. Спальный отсек трясся. Корабль трясся. Капсула дернулась. Лукас схватился за поручни, схватился крепко и сжимал хватку, пока ногти не вонзились в ладонь. Капсула снова дернулась. Лукас вскрикнул. Он почувствовал,

как мир куда-то падает. Держаться было не за что. И это был не мир. Это был корабль, вертящийся волчок из алюминия и строительного углерода. Он был человеком в капсуле, в колесе, в малюсеньком корабле за пределами невидимой стороны Луны.

– Токиню, – прошептал он. – Что происходит?

Корабль под ним опять начал падать. Лукас схватился за твердые и бесполезные поручни. Голос в импланте был незнакомым, со странным акцентом. «Святые Петр и Павел» был слишком мал, чтобы на борту действовала полноценная сеть.

«Я совершаю серию импульсов для корректировки курса, – сказал Токиню. – Моя орбита стабильна и предсказуема на одиннадцать лет вперед. Периодические маленькие корректировки каждые десять орбит или около того передвигают это окно предсказуемости вперед. Они происходят ввиду второго периселения¹² орбиты с двумя встречами. Процесс полностью управляемый и довольно рутинный. Если пожелаете, могу предоставить схемы».

– В этом нет необходимости, – сказал Лукас, и дрожь, рывки, ужасное, ужасное ощущение вечного падения в пустоту прекратились. «Святые Петр и Павел» обошел Луну по кругу, и Луна швырнула его к синему самоцвету Земли.

Токиню звякнул. Файлы от доктора Воликовой. Лукас их

¹² *Периселений* (англ. *perilune*) – точка окололунной орбиты, минимально удаленная от Луны.

открыл. Музыка – хватит на много месяцев. Путешествие начинается.

* * *

Первые три месяца Лукас штудировал хард-боп: его язык и инструментарий, его отличительные черты и тональности, его трехчастные гармонии и плагальные каденции. Он изучил имена героев. Мингус, Дэвис, Монк и Блэйки: они были его апостолами. Он изучил ключевые записи, Евангелие и Деяния хард-бопа. Он научился тому, как слушать, к чему прислушиваться и когда слушать то, что требовалось. Он отследил корни направления в бибопе и узнал, как оно бунтовало против движения-прародителя и одновременно пыталось его реформировать. Он совершил вылазку на неортодоксальную территорию, где различия между фанковым джазом и соул-джазом, где «развод» между кул-джазом западного побережья и хард-бопом восточного привели к схизме в музыкальном космосе. Эта музыка была худшей из возможных для тренировки. Лукас ее полюбил. К тренировке он испытывал отвращение. Она была трудной и скучной. Карлиньос превращался в проповедника, когда говорил о жжении в мышцах, допаминовых приходах и роли гормонов в механизме стресса. То, что возносило Карлиньоса к трансцендентному, Лукаса делало параноиком и приводило в бешенство.

Он выходил из тренажерного зала, полыхая от ярости, готовый накинуться на любого, кто хоть посмотрит в его сторону, отправлялся в постель, охваченный ноющей болью и раздражением, с ужасом думая о тренировках следующего дня. Пять часов. Шесть истин посылали его обратно в тренажерный зал и Арт Блэйки в плейлисте. Карлиньос и его эндорфины мертвы. Рафа мертв. Ариэль прячется. Лукаси-ню под защитой АКА. Боа-Виста – безвоздушные руины, а этот корабль, «Святые Петр и Павел», несет контейнеры с украденным гелием-3 «Корта Элиу» к термоядерным реакторам Земли. И он продолжал тренироваться. Хард-боп был местом по ту сторону бесконечной полосы беговой дорожки, отмеченных галочкой подходов к поднятию гирь, оскорбительного повышения тонуса. Хард-боп был временем за пределами течения дней, переходящего в течение месяцев. Год этой рутины казался вечностью; год следовало разбить на последовательность не сессий, снов, дней, орбит, но действий. Задумать что-то, начать, проработать, закончить. Потом еще что-то. И еще что-то. Квант за квантом. Год с чем-то-там будет измерен не постепенным увеличением веса гирь, не улучшением личных результатов, не растущей силой и гибкостью его тела, но квантами новой музыки. После хард-бопа он изучит модальный джаз, потом перейдет через фри-джаз к афро-кубанскому и бразильскому джазу, который свернет в его обожаемую босанову. В следующий раз он будет слушать босанову, стоя на земле, под открытым небом. Но на

протяжении тех первых орбит хард-боп был высоким, четким горизонтом; дальше и шире любого из горизонтов Луны.

Через полмесяца он пробежал по внутреннему кольцу. По всей его длине. Через месяц он прошел по среднему кольцу, при половинной земной гравитации, трех лунных. Он шел без чьей-то помощи и без поддержки, без остановок, и ему понадобился час, чтобы одолеть этот путь. Через два месяца он пробежал по среднему кольцу. Через три месяца Лукас Корта там спал. В первую ночь он чувствовал себя так, словно латунный демон пристроился у него на груди и испражнялся расплавленным свинцом в его сердце и легкие. На вторую ночь, на третью и четвертую. Через пятнадцать ночей он проспал всю ночь, и единственным кошмаром был тот, в котором он очутился в ловушке под железным льдом стального моря. После этого он каждую ночь спал при трехкратной лунной гравитации.

На протяжении следующих трех месяцев Лукас Корта изучал модальный джаз – страстное увлечение доктора Воликовой. Его шаги в музыке были увереннее; он обозрел эти края, пребывая в другой стране, и знал, где здесь высятся горные хребты, а где – текут реки. Географические метафоры теперь имели для него смысл, потому что переход к модальному джазу происходил одновременно с переключением внимания Лукаса на Землю. Вот что можно изучать на протяжении целой жизни. География, геология, геофизика. Океанография, климатология и их дочь – метеорология.

Взаимоотношения воды, тепла, вращения, термодинамики и красивые и хаотичные системы, возникшие из этих базовых элементов, заморозили его. Изобильные, непредсказуемые, опасные. Он любил читать метеорологические отчеты и видеть, как их предсказания вырисовываются белым и серым поперек синего глаза планеты. Лукас Корта был заядлым наблюдателем за Землей. Он следил за тем, как шторма и ураганы катились через океаны; тускло-коричневые равнины становились зелеными, когда их омывали дожди, пустыни темнели, расцветая, болота и мангровый лес Сундарбан исчезали под мерцающей поверхностью воды во время наводнений. Он следил, как времена года наползают с полюсов, пока облетал планету месяц за месяцем. Он следил, как снега приходят и уходят и как изобильная тьма муссона обрушивается на миллионы, изнуренные жарой.

За кое-чем он не наблюдал, и этим кое-чем была земная встреча, во время которой циклер обменивался капсулами с персоналом с орбитальным кабелем и ронял контейнеры с грузом для контролируемого приводнения. В своей каюте он чувствовал дрожь, сопровождавшую выпуск капсул и дополнительного оборудования, рывки, с которыми пристыковывались грузовые отсеки, но никогда не присоединялся к зрителям в обзорном пузыре. Он не удостоит грабеж своим вниманием. Он ни разу не обернулся, чтобы взглянуть на Луну.

Почти в самом начале года орбит доктора Воликову перевели на Землю, на побывку в Санкт-Петербург. Ее заменил

Евгений Чесноков, самоуверенный молодой человек тридцати с чем-то лет, который не мог понять, почему Лукас его презирает. Он оказался излишне фамильярным, за такие манеры его прирезали бы в любом кафе Жуан-ди-Деуса, а его музыкальные вкусы были отвратительны. Ритм не создает музыку. Ритм прост. Даже Токинью в своем ограниченном состоянии мог изобрести новый ритм. Лукас привык к новой, безыскусной личности своего фамильяра. Один корабль, один голос, один интерфейс. Пусть Токинью теперь и говорил о себе как о воплощении «Святых Петра и Павла», его колебания и паузы делали сказанное отнюдь не проявлением всеведения. Запаздывание, связанное со скоростью света, осложняло доступ в реальном времени к земным библиотекам, но системы циклера содержали достаточно информации, чтобы Лукас мог структурировать свои исследования. Он позволил геофизическим и климатологическим знаниям о планете увести себя в геополитику. Земля испытывала климатический сдвиг; он – от длящейся десятилетиями засухи в Сахеле и западной части США до постоянных ураганов, терзающих северо-западную Европу – наводнения следовали одно за другим, – сделался основой планетарной политики. Лукас никак не мог взять в толк, что это за безумие – жить в мире, который не подчиняется человеческому контролю.

Он познал силу гелия, на которой его семья выстроила состояние. Чистое электричество – ни радиации, ни угле-

родосодержащих выбросов. Строгий контроль. Термоядерные реакторы были малочисленными и дорогими. Каждое государство охраняло свои установки с яростной жестокостью от других национальных государств, от нестандартных вооруженных сил парастагосударств, армий борцов за свободу и милитаристов, которых согнали с насиженных мест засухи, неурожай, голод и гражданские войны. Лукас вычитал, что на протяжении последних пятидесяти лет на Земле в любой момент времени полыхало более двух сотен микровойн. Он потратил много времени, пытаясь понять, что собой представляют национальные государства и многочисленные, очень многочисленные группировки, объединенные какой-либо идеей и бросившие вызов государствам. Луна выживала, не позволяя группам и фракциям обрести власть. Были индивиды и были семьи. Пять Драконов – Четыре Дракона, – исправился Лукас и ощутил болезненный укол, который должен был обуздать его сентиментальность, – были семейными корпорациями. Корпорация по развитию Луны – неэффективный совет начальников из международной холдинговой компании; она нужна для того, чтобы постоянно быть на ножах с самой собой.

Государства с их идентичностями и наборами привилегий, обязательств, а также географическими границами, где все это прекращалось, казались Лукасу Корте произвольными и неэффективными. Сама мысль о том, чтобы хранить верность одному берегу реки и испытывать жгучую нена-

висть по отношению к другому, была нелепа. Реки, как узнал Лукас Корта, бежали меж берегов. И ничто из этого не решалось путем согласования воли. Лукас не понимал, как же люди терпят свое бессилие. Закон заявлял, будто защищает и подавляет всех одинаково, но беглый обзор потока новостей – Лукас сделался заядлым потребителем известий о жизни на Земле, от религиозных войн до слухов о знаменитостях – опровергал старую ложь. Богатство и власть позволяли купить закон классом повыше. В этом Земля не так уж сильно отличалась от Луны. Лукас не был юристом, но понимал, что лунное право держится на трех опорах: чем больше законов, тем хуже; все, включая закон, может служить предметом переговоров; и в Суде Клавия можно судиться по поводу чего угодно, включая и сам Суд Клавия. Земные законы защищали людей, но что защищало их от закона? Все предписывалось. Ни о чем нельзя было договориться. Правительства навязывали блоковые политики, основанные на идеологиях, а не на фактах. Как эти правительства предлагали компенсировать интересы тех граждан, кто пострадал от их политик? Загадки, вложенные в тайны, спрятанные в головоломках.

Об этих вещах Лукас спрашивал доктора Чеснокова во время запланированных проверок, пока тот изучал данные многочисленных медицинских мониторов Лукаса. Вы любите московский футбольный клуб ЦСКА и любите Россию. Которая из двух любовей сильнее? Вы платите налоги, но

закон не позволяет вам хоть как-то повлиять на то, как они тратятся, не говоря уж о возможности удержать их до той поры, пока вам не захочется повлиять на политику правительства. Ну разве это хороший контракт? Образование, правовая система, военные и полиция подконтрольны государству, а вот здравоохранение и транспорт – нет. Неужели такое совместимо с капиталистическим обществом? Доктор Чесноков умолкал, когда Лукас задавал вопросы о его правительстве и политике, как будто боялся, что их подслушивают.

Настал день, когда доктор Чесноков отправился вниз, а доктор Воликова вернулась на циклер, чтобы начать очередную вахту. Увидев Лукаса Корту в своем кабинете, она вздрогнула.

– Вы чудище, – сказала доктор. – Медведь.

Он и забыл, как сильно изменился за два месяца, которые она провела на Земле. Сделался шире на десять сантиметров. Его плечи соединялись с шеей под уклоном. Его грудь превратилась в две плиты жестких мышц, на ногах появились изгибы и выпуклости. Бедра не сходились. Вены на бицепсах и икрах выступали, словно борозды на поверхности Луны. Даже лицо сделалось квадратным, широким. Он ненавидел свое новое лицо. Оно делало его похожим на пылеви-ка. Придавало ему глупый вид.

– Это все благодаря ненависти и Биллу Эвансу, – сказал Лукас. – Я хочу пройти по третьему кольцу.

– Я пойду с вами.

– Нет, спасибо, Галя.

– Тогда я буду за вами следить.

Новая гравитация, новая музыка. В лифте он велел Токиню составить показательный плейлист с фри-джазом. Музыкальные инструменты отбивали ритм в его голове, ноты налетали шквалами и устраивали стычки, трубы и саксофоны звучали обостренно и доводили звуки до чистоты. Его разум кружился. Итак, вот они – вызовы. Орнетт Коулман призывал бури триолей, и Лукас чувствовал, как гравитация берет над ним власть, и тянет, и проверяет на прочность, и рвет его огромное, отвратительное тело.

Двери лифта открылись. Лукас вышел. По лодыжкам ударила боль. В колено как будто воткнули снизу вверх прут из горячего титана. Связки смещались, скручивались и грозили порваться. Он стиснул зубы. Хаотичная музыка была рукой и голосом безумного гуру. Двигайся. Два шага, три, четыре шага, пять. В ходьбе при земной гравитации надо было уловить ритм, который отличался от лунной походки от бедра; нужно было приподняться и направить себя вперед, а потом – опустить вес. На Луне он бы от такого взлетел. В наружном кольце «Святых Петра и Павла» – всего лишь с трудом избежал встречи с палубой. Десять шагов, двадцать шагов. Он уже забрался дальше, чем при первой глупой попытке одолеть Земную силу тяжести. Теперь он смог бросить взгляд через плечо и увидеть, как та точка исчезает за горизонтом кольца. Циклер проходил по направ-

ленной вовне кривой орбиты; в наружном кольце кишели Джо Лунники и ученые из Университета Невидимой стороны, а также горстка бизнес-путешественников, корпоративных представителей, политиков и туристов. Через несколько дней им предстояло переместиться в среднее колесо, а потом – во внутреннее кольцо с лунной силой тяжести, где из-за вращения, низкой гравитации и воздействия нового способа передвижения на внутреннее ухо восемьдесят процентов должны были слечь с «морской болезнью». Они кивали Лукасу, когда тот шагал мимо, размахивая руками, с лицом, напряженным от решимости. Стальные ленты стягивали его разбухшее сердце, глаза застилало красным от пульсации крови при каждом ударе, глазные яблоки как будто усыхали в глазницах.

Он может это сделать. Он делает. Он сделает.

Он увидел двери лифта за изгибом кольца. Он посчитал количество шагов. Его сердце встрепенулось от маленькой радости. Радость сделала его небрежным. Аккуратный ритм его шагов нарушился. Он потерял равновесие. Гравитация его сцапала. Лукас ударился о палубу так, что утратил способность дышать и мыслить, не считая мысли о том, что за всю свою жизнь он еще ни разу не получал настолько сильных ударов. Он лежал, парализованный болью. Лежал на боку и не мог шевельнуться. Гравитация пришпилила его к палубе. Вокруг столпились земляне. Все ли с ним в порядке? Что случилось? Он вяло отбил руки, тянувшиеся помочь.

– Оставьте меня в покое.

По коридору примчался медицинский бот, издавая высокие звуки. Такое унижение Лукас бы не стерпел. Он приподнял торс, опираясь на трясущиеся руки. Подтянул ноги под себя. Переход из положения сидя в положение стоя казался невозможным. Мышцы его правого бедра трепетали, и он сомневался, что колено выдержит его вес. Красный глаз бота уставился на него обвиняюще.

– Да пошел ты, – сказал Лукас Корта и встал, невзирая на раздирающую боль, от которой невольно вскрикнул. Бот объехал его по кругу и пристроился за спиной, словно ручной хорек, жаждущий внимания. Лукас бы с радостью его пнул. Когда-нибудь, не в этот раз. Он сделал шаг. Боль, словно кислота, пролилась от его правой ступни до правого плеча. Он судорожно втянул воздух.

Шаг был твердым. Это всего лишь боль.

Бот тащился следом за Лукасом Кортой, пока тот одолевал последние пару десятков метров до лифта.

– Повезло, что вы ничего не сломали, – сказала доктор Воликова. – Это был бы конец всему.

– Кости срастаются.

– Земные кости. Кости Джо Лунников. Нет никакой литературы по костям лунного происхождения с земной плотностью костной ткани.

– Вы могли бы написать обо мне какую-нибудь научную работу.

– Уже пишу, – сказала доктор Воликова.

– Но плотность моей костной ткани – земного типа.

– Земного типа, как у семидесятилетнего, страдающего остеопорозом. Придется снова увеличить вам дозу кальция.

Лукас уже строил план на фундаменте из слов «земной тип». Ходить, пока ступни не научатся тому, как это делается, пока бедра не поймут ритм раскачивания. Еще ходить. Потом ходить три минуты, бежать одну минуту. Повторять, пока боль будет переносимой. Ходить две минуты, бежать две минуты. Ходить одну минуту, бежать три минуты. Бежать.

– Как вам нравится фри-джаз? – спросила доктор Воликова.

– Он требует особого подхода, – сказал Лукас. – Он не идет на компромиссы.

– Я не могу к нему подступиться. Он для меня чересчур джазовый.

– Надо потрудиться, чтобы обнаружить красоту.

Лукасу эта музыка не нравилась, но все-таки он ею восхищался. Она была идеальной звуковой дорожкой для того, чем ему приходилось теперь заниматься. Для трудного. Для того, что ему удавалось лучше всего, того, что он всегда выполнял в лучшем виде, для его единственного дара и таланта. Для интриг.

С правительствами всегда было сложнее всего, так что он взялся за них в первую очередь. Китай, разумеется, потому

что это Китай, и еще из-за его затяжной войны с Сунями. Соединенные Штаты Америки – за их богатство, за историческую враждебность к Китаю и за то, что ни одна империя не бросается защищать свою честь быстрее, чем разлагающаяся Гана. Не самый важный игрок, но эта страна видела, что горстка ее смелых граждан смогла построить на Луне, и хотела поучаствовать. И Аккра всегда хотела обскакать своего более крупного и более влиятельного соседа, Лагос. Индия, которая пропустила лунную гонку и все еще страдала из-за этого. Россия, из-за сделки, которую он заключил с ВТО, и еще из-за того, что однажды, возможно, ему придется предать Воронцовых. Для правительств этих государств крах «Корта Элиу» был местным скандалом, важным лишь в связи с его последствиями для цен на гелий-3. Придется научить их прислушиваться к нему. Были каналы, имена, к которым следовало обратиться, чтобы одни дали доступ к другим именам. Цепи имен, медленный подъем по политической иерархии. Это должно было быть трудно и увлекательно. Орнетт Коулман лучше всех аккомпанировал такой работе.

Изучая творческое наследие Джона Колтрейна, Лукас подбирался к земным корпорациям. Робототехника, да, но предприятий было пучок за пяточок, а ему требовалось такое, которое поняло бы суть его предложения, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Банки и венчурное финансирование: тут он ступал осторожно, поскольку

хоть и знал толк в деньгах и иже с ними, так и не разобрался в безумно сложном финансовом инструментарии и замысловатых способах его применения на глобальных рынках. Эти встречи устраивать было проще, люди, с которыми он беседовал, искренне заинтересовались – даже восхитились – смелым планом. Они должны были его изучить, узнать о его падении. Уничтожение «Корта Элиу» должно было задеть их за живое. Они должны были прислушаться к человеку с Луны, готовому пожертвовать годом жизни и своим здоровьем, чтобы спуститься с небес ради разговора с ними.

Каждый день, пока колеса «Святых Петра и Павла» вертелись вокруг Луны, он разговаривал с властью имущими. Имя за именем, он с трудом пробрался в конференции и встречи один на один. В своей койке он натравливал друг на друга инвесторов и спекулянтов, правительства разных стран. Кому доверять, и как сильно, и до каких пор. Кого предать, и в какой момент, и как именно. Кто благосклонен к взяткам, кого следует шантажировать. Чьему тщеславию он мог бы польстить, чью паранойю разжечь? Встреча за встречей ставили все на свои места. Ему понадобятся по меньшей мере три месяца на Земле.

– Я бы предпочел четыре, – опять сказал он доктору Воликовой. Он теперь пробегал по третьему кольцу каждый день. Он был мужчиной среднего возраста, миновавшим свой расцвет, и он взял на себя физическую нагрузку, которая ошеломила бы человека вдвое моложе. Она все еще могла его

убить или покалечить так, что и лунная медицина не исцелит.

– Вам нужен еще месяц, – ответила доктор Воликова. – Лучше два.

– Я не могу позволить себе два. Помню, я вам сказал, что улечу на Землю через четырнадцать месяцев. Есть окно, всего одно окошко.

– Один месяц.

– Спустя один земной месяц с этого момента я отправлюсь в орбитальном аппарате вниз. Так и не сумев понять Орнетта Коулмана.

На протяжении последнего месяца, как Лукас и планировал, он расслаблялся, слушая афро-кубанский джаз. От этих звуков и ритмов в его душе рождались теплые чувства, и он улыбался. Отсюда он мог дотянуться и поймать босанову за руку. Он наслаждался безмятежностью композиций в плейлисте, но вскоре обнаружил, что их ритм слишком авторитарный, слишком навязчивый. Когда Лукас занимался в спортзале внешнего кольца, ритм вынуждал его двигаться в такт, а он такое ненавидел. Это казалось слишком фривольным для трудов, которые занимали его последние дни и касались его собственной личности и безопасности. Валерий Воронцов сделал его служащим «ВТО-Космос»: «ВТО-Земля» мудро раздала взятки и добыла для него казахский паспорт. То небольшое, что осталось от его состояния, было переведено в формы, к которым он мог быстро и легко получить доступ.

Земля с подозрением относилась к деньгам в движении. На каждом шагу были проверки, вопросы, наведение справок об отмывании денег. Лукас оскорбился. Он же не какой-нибудь маловажный наркобарон или неотесанный мелкотравчатый деспот. Все, чего он хотел, – это вернуть свою компанию. Суетная, раздражающая работа, которую никак не удавалось завершить, но которая постоянно требовала какой-нибудь дополнительной идентификации или разъяснений.

– Моя мать отправилась в космос на этом корабле, – сообщил Лукас доктору Воликовой на последнем предполетном медосмотре.

– Пятьдесят лет назад, – сказала доктор Воликова. – Он сильно изменился с той поры.

– Просто кое-что добавили. Или переделали. Вы ни от чего не избавились.

– Что вам нужно, Лукас?

– Я бы хотел поспать в той же койке, что и моя мать.

– Я даже не стану вникать в психиатрическую подоплеку этого желания.

– Окажите мне любезность.

– Там все будет не так.

– Знаю. Окажите мне любезность.

– Где-то должна быть запись. Воронцовы никогда не забывают.

Третье кольцо, синий квадрант, 34 справа. Доктор Воликова открыла индивидуальную каюту. Она оказалась лишь

чуть-чуть больше капсулы, в которой Лукас прибыл на циклер. Он забрался внутрь, лег в одежде на матрац – чтобы ее снять, требовалось превозмочь себя, а это для него сейчас было чересчур. Матрац был мягким и упругим, каюта – хорошо оборудованной, и в какой-то момент он перестал осознавать что бы то ни было, кроме гравитации. Ему предстояло терпеть ее месяцами. На корабле он мог спастись, перейдя в центральное кольцо или даже во внутреннее, с лунной силой тяжести, если гравитация становилась невыносимо тяжелой. На Земле бежать будет некуда. Это его пугало. Каюта была тесной и уютной. Лукас был обитателем малых помещений, гнезд и комнат; он всю свою жизнь прожил в замкнутых пространствах под крышами. В том мире внизу было небо. Переходящее в космос. Агорафобия пугала Лукаса. Его все пугало. Он был не готов. Он никогда не будет готов. Никто не может к такому подготовиться. Он мог лишь довериться талантам, которые привели его сюда, которые вызволили его из-под обломков «Корта Элиу».

Этого должно хватить.

Прежде чем провалиться в тяжелый сон, он вспомнил лица. Лукасиныю. Такой милый, такой потерянный. Ариэль на койке в медцентре после того, как лезвие прошло на расстоянии нерва от того, чтобы ее убить. Карлиньос на вечеринке в честь Лунной гонки Лукасиныю, большой и широкий, как небо, с улыбкой идущий через лужайку, со шлемом от повскафа под мышкой. Рафа. Золотой, всегда золотой. Смею-

щийся. Его дети вокруг него, его око рядом; смеются. Адриана. Лукас мог вообразить ее лишь на расстоянии, в дверях детской, в ее любимом павильоне среди каменных лиц ориша Боа-Виста, за другим концом стола на заседании совета директоров.

Он спал в старой каюте ту ночь и четыре следующие. Его сны были тяжелыми, от них бросало в пот и хотелось кричать. Такими они будут всегда в чужеродной гравитации.

На пятое утро он отправился на Землю.

* * *

Шлюзовая команда заартачилась при виде его галстука. Он будет парить, задушит его, станет опасностью для остальных. Лукас затянул узел резко и туго, так что он превратился в острое ножа у горла, в стиле поздних 2010-х. Однобортный костюм-тройка от Тома Суини, средне-серого цвета. Узкий крой, трехсантиметровые отвороты.

– Я не прибуду на Землю словно какой-нибудь ап-аут из Байрру-Алту, – заявил он и расстегнул нижнюю пуговицу на жилете.

– Так и будет, если вас на него вырвет.

Шлюз закрылся. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем давление сравнялось с давлением в транспортной капсуле. В грудной клетке Лукаса бился ужас. Костюм был отвлекающим маневром, способом самоутвердиться пе-

ред лицом этого ужаса. Способ снова стать Лукасом Кортой. Тринадцать месяцев между мирами – на один меньше, чем он заложил в бюджет, – тринадцать месяцев геополитики и глобальной экономики, переговоров о сделках и хирургически точных взяток, распознавания и использования противоречий, безжалостных тренировок – и вот все это сошлось. Острые лезвия. От корабля к капсуле. От капсулы к кабелю. От кабеля к одноступенчатому транспортному космическому аппарату. Из аппарата на Землю. Меньше чем через четыре часа все закончится. Он не находил в этом утешения.

Шлюз открылся. Лукас схватился за поручень и, оттолкнувшись, влетел в капсулу.

Прощайте, унижение, функциональная одежда и джаз середины XX века.

Транспортная капсула представляла собой двадцатиметровый цилиндр, лишенный окон, полностью автоматизированный. Десять рядов сидений. Доктор Воликова схватилась за поручень и пристегнулась, заняв место рядом с ним.

– Вам понадобится личный врач.

– Спасибо.

Еще пятеро пассажиров, затем шлюз закрылся. Вниз всегда отправлялось меньше людей, чем вверх. Инструктаж по безопасности, излишний и напрасный. Токиную, соединившись с ИИ капсулы, предложил Лукасу виды из наружных камер. Он бросил один взгляд на синий огромный мир внизу и отключился от всех. Вызвал длинный, тщательно ото-

бранный плейлист классической боссы. Мелодии, которые он знал и любил, которые Жоржи по его просьбе играл для него в лучшей акустической комнате двух миров.

Серия грохочущих ударов, рывки. Тишина. Капсула отделилась от «Святых Петра и Павла» – дробинка с жизнью, падающая поперек лика синего мира. Он это изучал. Он знал, как все работает. Это было полностью контролируемое падение. Он попросил Токиню показать ему модель транспортного кабеля, который выписывал круги, облетая планету. Схематичное изображение его успокоило.

Лукас погрузился в дремоту, а потом его разбудило лязганье, которое он слышал сквозь корпус. Кабель подсоединился. Пол рухнул вниз от его желудка, гравитационные воздействия возобладали, когда кабель разогнал капсулу, чтобы вывести ее на орбиту стыковки с космическим самолетом. Лукас уже один раз совершал кабельный переход, когда спасался бегством с Луны – «лунная петля» схватила его с верха башни и зашвырнула на переходную орбиту для встречи с циклером. Ускорение достигло трех, четырех лунных сил тяжести. Теперь все намного превосходило «лунную петлю». Лукас почувствовал, как губы отгибаются, обнажая зубы, глазные яблоки расплющиваются в глазницах, кровь собирается в основании черепа. Он не мог дышать.

Потом он опять оказался в свободном падении. Кабель отпустил капсулу, и теперь Лукас падал к точке стыковки с космическим самолетом. Токиню показал ему орбиталь-

ный транспортник, невысказанно красивый, крылатый и обтекаемый, словно живое существо; аппарат достаточно чужеродный для эстетического чувства Лукаса, который привык к машинам, предназначенным сугубо для работы в вакууме. Космический самолет открыл грузовые отсеки. Толчки реактивных двигателей системы контроля положения побудили капсулу прийти в движение. Лукас следил за тем, как рука манипулятора на корпусе орбитального транспортника развернулась и соединилась со стыковочным шпангоутом. Лукас почувствовал небольшое ускорение, такое же слабое, как в домашнем лифте, когда «рука» затащила его внутрь. Космические путешествия были тактильными; щелчки и глухие удары, мягкие толчки и краткие рывки. Вибрации в подлокотниках кресла.

Лукас перебирал в уме числа. Сто пятьдесят. Высота орбиты космического самолета в километрах. Тридцать семь. Количество минут до включения ракетного двигателя для возвращения с орбиты. Двадцать три. Количество минут, на протяжении которых корабль будет проходить через атмосферу. Тысяча пятьсот. Температура по Цельсию, до которой нагреется керамический корпус орбитального аппарата при входе в плотные слои атмосферы. Триста пятнадцать. Скорость в километрах при приземлении. Ноль. Количество членов экипажа, которые могли бы взять контроль на себя, если что-то пойдет не так.

Капсулу встряхнуло, потом – еще раз, потом она не пе-

реставала трястись на протяжении долгого времени. Включились двигатели возвращения с орбиты. Кулак гравитации схватил голову Лукаса и попытался утянуть к потолку. Торможение было беспощадным. Корабль подбросило. Пальцы Лукаса Корты впились в подлокотники, но держаться было не за что, вокруг не было ничего неизменного и неподвижного. Его сердце захотело умереть. Он с этим не мог справиться. Он ошибался с самого начала. Он был тщеславным дураком. Человек с Луны не может отправиться на Землю. Убийственную Землю. Вопль сильнейшего страха трепетал в его горле, не в силах вырваться из сокрушающей хватки гравитации.

Тряска усилилась; прыжки и скачки, от которых Лукас то испытывал мгновения невесомости, то падал на ремни безопасности с такой силой, что оставались синяки, сменились высокочастотной вибрацией, как будто корабль и все живые души в нем собирались растереть в порошок.

Он нашел чью-то руку и сжал так крепко, что почувствовал, как от его хватки сдвигаются кости. Он держал эту руку, держал ее так, словно она была единственной надежной и прочной вещью в трясущемся, ревом мире.

Потом тряска прекратилась, и он ощутил гравитацию, истинную гравитацию под собой.

«Мы летим в атмосфере», – сказал Токиню.

– Покажи, – каркнул Лукас, и спинки сидений с предупредительными знаками серой капсулы скрыло развернувшееся

окно. Он был достаточно высоко, чтобы видеть изгиб планеты. Тот все длился и длился, изящный и огромный, словно сама жизнь. Небо над ним потемнело до цвета индиго. Внизу многослойной вуалью лежали облака, сливаясь в тускло-желтую дымку. Он увидел что-то серо-голубое и подумал: «Океан». Намного больше и намного величественнее, надменнее, чем Лукас себе воображал. Космический самолет полетел стрелой вниз через самый высокий слой облаков. У Лукаса перехватило дыхание. Земля. Коричневая линия, едва различимая сквозь облака.

Лукас знал благодаря своим изысканиям, что спускается вдоль побережья Перу и что до приземления осталось две тысячи триста километров. За коричневой прибрежной пустыней появится внезапная тьма гор; цепь позвонков, бегущая вдоль континента. Анды. Блеснул снег, отражая солнце, и сердце Лукаса забилось быстрее. За горами лежали остатки великого леса; темно-зеленые участки среди светло-зеленых и золотых полей зерновых, желтовато-бежевые и серовато-коричневые мазки там, где почва умерла. Те плюмажи, странно низкие и разветвленные, какими он их видел, — это дым, а не пыль. Ужасные тучи клубились над пылающей землей. Ниже лежал последний слой облаков. Лукас затаил дыхание, когда орбитальный транспортник ринулся к ним, а потом — сквозь. Все стало серым, он ослеп. Корабль трянуло. В воздухе появились просветы. Потом они вышли, и Лукас Корта опять перестал дышать. Солнечное серебро,

затем – золото: великая река, желтая от ила. Космический самолет полетел вдоль реки, текущей на восток, над сетью притоков, больших и малых. Очарованный, Лукас попытался различить закономерность в петлях и извилинах рек. Предупреждение от Токиню, о чем оно было? Он не обратил внимания. Сколько минут до приземления?

Еще одна великая река; встреча черноты и золота, и в месте их пересечения – расплывчатое пятно человеческой деятельности. Тысячи солнечных бликов вспыхивают, когда шаттл проходит над ним: это город, понимает Лукас. У него перехватывает дыхание. Город между реками-двойняшками, не запертый под крышкой, открытый для всей вселенной, распростершийся по земле. Громаднее всего, что он мог бы вообразить. Те паутины из света, предстающие взгляду, когда облака не закрывали Землю, даже не намекали на то, насколько ужасающе огромны и великолепны города планеты.

Космический самолет заложил вираж. Лукас стиснул зубы, когда силы тяготения принялись играть с ним. Орбитальный транспортник кружил, сбрасывая скорость для приземления. Он слышал снаружи воздух – точно чьи-то руки трогали корпус. Он заметил длинную полосу там, где корабль должен был коснуться земли; город, над которым они пролетели под вызывающим беспокойство углом, место встречи двух рек. Черная и золотая вода текли бок о бок много километров, не смешиваясь. Лукаса это явление очаровало.

Он недостаточно разбирался в земной гидродинамике, чтобы понять, обычно это или впечатляюще. Что это за движущиеся объекты на воде?

«Десять минут до приземления», – сказал Токиню.

– Лукас, – проговорила доктор Воликова.

– Что?

– Теперь можете отпустить мою руку.

Над городом и реками, еще раз, теперь ниже. Космический самолет перешел на горизонтальный полет. Их маршрут был predetermined. Полоса приземления была прямой и надежной. Лукас почувствовал, как выдвинулись и закрепились шасси. Космический самолет приподнял нос и сел на задние шасси; когда опустил нос, все вздрогнуло, но слабее, чем раньше.

Земля. Он на Земле.

Доктор Воликова удержала руку Лукаса, когда он собрался расстегнуть ремни безопасности.

– Мы еще не на месте.

На протяжении, как показалось Лукасу Корте, целой вечности орбитальный транспортник с грохотом ехал по рулежным дорожкам. Он почувствовал, когда они остановились. Он ощущал сквозь корпус космолета движение, чувствовал необъяснимые глухие удары и вибрации.

– Как вы? – спросила доктор Воликова.

– Живой, – ответил Лукас Корте.

– Я договорилась о команде медиков и инвалидном крес-

ле.

– Я сойду с этого корабля на своих двоих.

Доктор Воликова улыбнулась, и тут Лукас почувствовал безошибочный рывок, который означал, что капсулу вытащили из орбитального транспортного при помощи крана.

– И все-таки я сойду сам, – сказал он.

Узлы крепления встали на места, повернулись шлюзы. Открылся люк. Лукас моргнул в свете Земли. Полной грудью вдохнул земной воздух. Пахло чистящими веществами, пластиком, человеческими телами, въевшейся грязью, озоном.

– Я могу вам помочь? – позвала доктор Воликова из люка. Другие пассажиры вышли так же непринужденно, как вахтовики, вальжной походкой сходящие с экспресса Эйткен-Пири.

– Я дам вам знать.

– Часы тикают, Лукас.

Оставшись в одиночестве, Лукас крепко взялся руками за подлокотники кресла. Вдохнул воздух, уже побывавший в чих-то легких и очищенный. Перенес вес на предплечья, наклонился вперед, оттолкнулся. Мышцы бедер приняли эстафету: безумное движение. На Луне от такого он бы высоко подпрыгнул, врезался в ящик, нависающий над головой. На Земле он встал. Сперва правая рука, потом – левая. Лукас Корта отпустил подлокотники и выпрямился, не опираясь ни на что. Лишь на миг помещение было тесным, и ему понадобились руки, чтобы пробраться в проход между сиденьями.

Вес был ужасным, невыносимым, безжалостным, так и ждал, что Лукас потеряет равновесие, чтобы повалить его на землю. «Падения вас убьют», – предупреждала доктор Воликова.

И он действительно едва не упал, сделав тот первый шаг в проходе. Гравитация была не центробежной силой, как на борту «Святых Петра и Павла». Он научился ходить в земной гравитации под действием силы Кориолиса во вращающихся кольцах космического обиталища. Вращение все чуть-чуть сносило в сторону. Лукас перенес вес на стопу, а она оказалась не там, где следовало. Он зашатался, схватился за подлокотник и удержал равновесие.

Он добрался до шлюза. Свет ослепил его. По ту сторону был телескопический трап. В конце трапа – доктор Воликова, медики, инвалидное кресло.

Он не собирался въезжать в этот новый мир в кресле на колесах. Он полной грудью вдохнул земной воздух. Он мог дышать. Дышать неограниченно.

– Лукас? – позвала доктор Воликова.

Лукас Корта двинулся вперед по телескопическому трапу, один неверный шаг за другим.

– Трость, – сказал он. – Принесите мне трость. С серебряным набалдашником.

– Наше печатное оборудование далеко от вашего по уровню сложности, – сказал мрачный молодой человек в плохом костюме. Лукас прищурился, чтобы разобрать его имя на

бейджике, прикрепленном к карману. Он испортил силуэт пиджака, но костюм все равно был дурной и дешевый. Аби Оливейра-Уэмура. «ВТО-Манаус». – Возможно, мы разыщем такую до завтра.

– Завтра?

Лукас остановился перед окном. Жаркий воздух гудел над покрытым бороздами бетоном площадки и взлетно-посадочной полосы. Орбитальный транспортник выглядел черным дротиком, красивым и смертоносным – оружие, не космический корабль. На дальнем конце поля, дальше, чем находится любой горизонт на Луне, виднелась линия тьмы неправильной формы над линией жидкости. Токиню увеличил бы изображение для Лукаса, но Токиню был мертвой линзой в его глазу, мертвым воздухом в его ухе. Деревья, предположил Лукас, поднимающиеся над маревом. Насколько жарко снаружи? Свет был болезненным. И небо. Оно стремилось и стремилось ввысь, так много неба, высоко над всем. Такое синее. Небо было жутким, оно сбивало с толку. Лукасу понадобится много времени, чтобы разобраться с агорафобией, которую пробудило в нем небо Земли.

Он собрался с духом.

– Итак, – сказал Лукас Корта. – Бразилия.

* * *

Бразилия, которую он видел из единственного окна каран-

тинной палаты, состояла из резервуаров для воды, антенн, солнечных панелей и площадки серовато-коричневого бетона, рощицы, похожей на тире, и неба, похожего на колонну, уходящую ввысь. Иногда абстрактный узор из синего, зеленого и желто-коричневого нарушали облака. Выходит, это Амазонка, дождевой лес. На вид – суше Океана Бурь.

ВТО не разрешила Токиню подключиться к своей сети, так что Лукас зависел от старомодного удаленного доступа к информации. Его контакты каждый день присылали сообщения: звонки, конференции, просьбы о физических встречах. «Я здоров, я в порядке, – отвечал Лукас. – Очень скоро выйду на связь».

Ежедневные занятия спортом были такими же безрадостными и удручающими, как и всегда. Ему выделили личного тренера, Фелипе. Он говорил только о движениях, мышцах, повторениях. Может, хирургическая маска, которую он носил, мешала разговаривать. Маска была требованием доктора Воликовой. Иммунная система Лукаса суетливо приспосабливалась к десятку прививок и фагов, но все равно он был уязвим перед сотней инфекций и пандемий. Занятия проходили в бассейне центра. «Вода ваш друг, – сказал Фелипе. – Она помогает справляться с весом тела. Она позволяет хорошо натренировать главные группы мышц».

Лукас спал под гнетом запаха хлорки. Гравитация была суровой, гравитация была безжалостной, но он с нею уже познакомился. Малые недуги пытались взять его измором.

Глубокий, влажный кашель напоминал безнадежный катар пылевиков. От изменений в воде и диете наступила диарея. Аллергия за аллергией наделили его ринитом и зудящими красными глазами. Вставать он должен был медленно, чтобы кровь не отхлынула от головы. Его ноги отекали. Инвалидное кресло. Мучительная боль в моменты, когда приходилось наклоняться. Он не понимал ни слова из того, что говорили вокруг. Это был не знакомый ему португальский, измененный испанским, позаимствовавший сотню слов и фраз из тридцати языков. Акцент был странным, и когда он попытался заговорить на глобо, в ответ лишь подняли брови и покачали головой.

От мяса у него были ужасные спазмы.

Сахар в соусах, напитках, хлебе.

Хлеб. Его желудок взбунтовался от такой пищи.

Лукаса охватила уверенность, что его тренер, его слуга, его молодые и очаровательные личные ассистенты из ВТО шпионят за ним.

– Мне надо работать, – пожаловался он доктору Воликовой.

– Терпение.

На следующее утро слуга попросил его принять душ и побриться, помог надеть достойный костюм. Удобно устроил его в инвалидном кресле. У двери Лукас прихватил трость с серебряным набалдашником, которую вытребовал. Когда он проглотил гордость и принял кресло, в котором нуждал-

ся, трость стала театральной принадлежностью. Слуга провез его в кресле по коридорам без окон и по телескопическому трапу, ведущему в цилиндр, полный кресел.

– Что это? – спросил Лукас Корта.

– Самолет, – сказал слуга. – Вы едете в Рио.

* * *

Облака его ошеломили. Они лежали вдоль океанского края мира; полосы и слои, которые разбивались на полосочки, россыпь точек, штрихи, и все они двигались, пребывая на самой грани его способности воспринимать перемены. Он ненадолго перевел взгляд на огни, которые загорались дом за домом, улица за улицей, и когда он снова посмотрел на облака, они изменили форму. Мотки сиреневой пряжи, пурпурные по краям; пурпурный темнел до цвета синяка по мере того, как свет в небе угасал, до индиго и оттенков синего, для которых у Лукаса не было названий и прошлого опыта. Почему люди занимаются чем-то еще, кроме наблюдения за облаками?

«Вечером жара будет терпимая», – сказали ему работники отеля. Номер-люкс был удобный и хорошо оборудованный. Токиню спокойно подключился к местной сети, хотя Лукас не сомневался, что десяток систем слежения сообщали о его словах и действиях сотне наблюдателей. Он работал обстоятельно и продуктивно, организуя телефонные конференции

и встречи лицом к лицу, но время от времени отвлекался на окно, улицу и море, которое превращало ее саму и спешащие по ней автомобили в ртуть, на океан и острова, и волны, марширующие по пляжу. Он никогда не страдал клаустрофобией на Луне. Этот угловой люкс в легендарном отеле «Копакабана Пэлэс» был позолоченным угнетением.

По вечерам, когда жара спадала, он проводил время в спа-бассейне. «Ищите воду», – сказал ему Фелипе. Лукас чувствовал, как груз гравитации спадает с плеч, когда он сбрасывал одежду, которая раньше никогда не казалась тяжелой, и плавно опускался в бассейн на балконе. Он был снаружи, на воздухе, в мире. Вид был великолепным. Переместившись вправо, он видел фавелы, взбирающиеся на холмы позади него. В тускнеющих сумерках огни, озаряющие окна, улицы и лестницы выглядели беспорядочной разноцветной паутиной; хаотичный контраст со строгими узорами Копы, аккуратными и зажатыми между Табажарас и океаном. Паутину огней нарушали пятна тьмы в тех местах, где склон не поддался даже изобретательным строителям неофициального трущобного города. Или вырубилось электричество. На площади в несколько квадратных километров жил миллион человек. Их близкое присутствие успокаивало Лукаса. Фавелы, надвигавшиеся все ближе с каждым днем, обрастая домами, квартирами, пристройками, напоминали ему поделенные на ярусы квадраты Жуан-ди-Деуса; огромные, километровой глубины каньоны Меридиана.

Официант принес ему «мартини». Лукас сделал глоток. «Мартини», конечно же, сделал то, для чего предназначался. Это был самый дорогой джин в отеле, но все равно стандартный, массового производства; вермут был из ограниченной партии, но все равно коммерческий. Массовые напитки для массового потребителя. Лукас не мог наслаждаться напитком, не будучи уверенным в том, что никто другой в двух мирах не пьет то же самое, что и он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.